

Фрактальный принц

Автор:

[Ханну Райаниеми](#)

Фрактальный принц

Ханну Райаниеми

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФТрилогия квантового вора #2

Постсингулярное будущее. Солнечная система освоена, а обитатели, живые и искусственные, принадлежат к разным враждующим фракциям. Величайшая из них, Соборность, строит новую вселенную для воскрешения всех мертвых. Жан ле Фламбер отправляется на постапокалиптическую Землю, где в пустынях обитают джинны – самомодифицирующиеся вирусы дикого кода, чтобы взломать разум Основателя Соборности, который находится или не находится в ларце Шредингера.

Продолжение экстраординарного «Квантового вора» укрепляет позиции Ханну Райаниеми как одного из самых захватывающих авторов научной фантастики XXI века.

«Ошеломляюще и увлекательно, как снятый после Сингулярности фильм о налете, вдохновленный теорией струн и искусственными интеллектами из-за пределов нашего пространства-времени». – Чарльз Стросс

«Вдумчивый, жесткий, глубоко продуманный и очень нешаблонный. В современной научной фантастике нет ничего подобного». – The Guardian

«Энергичность, дальновидность и широкий взгляд на посмертие – наши рекомендации!» – Fantasy and Science Fiction Magazine

«"1000 и одна ночь" в антураже постчеловеческой Земли. Роман, от которого оторваться практически невозможно». – Fantlab.ru

«ФРАКТАЛЬНЫЙ ПРИНЦ своим поразительным концептуальным и стилистическим блеском оправдывает наши ожидания». – Пол Ди Филиппо

«Великое достоинство заключено в самой странности романа». – SFX Magazine

Ханну Райаниеми

Фрактальный принц

© И. Савельева, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2022

Томи, живущему в наших историях

Его портрет? Как мог бы я его изобразить? Я видел Арсена Люпена раз двадцать, и двадцать раз передо мной предстал другой человек... либо, скорее, всё тот же, от которого двадцать разных зеркал донесли до меня столько же искажённых отражений.

МОРИС ЛЕБЛАН

Арест Арсена Люпена.

Когда мы смотрим на фрактал, мы должны вглядываться в одно зеркало, не обращая внимания на второе, стоящее где-то далеко позади.

КРИСТИАН БЕК

Кристаллография.

Пролог

Спящий принц

Этой ночью Матчек ускользает из своего сна, чтобы снова навестить вора.

Во сне он видит себя в книжном магазине. Это тёмное неприбранное помещение с низким потолком и ветхой лесенкой, ведущей к небольшой мансарде. Полки прогибаются под тяжестью запылившихся фолиантов. Из дальней комнаты тянется пьянящий аромат благовоний, смешиваясь с запахами пыли и плесени.

Прищурившись в тусклом свете, Матчек разглядывает рукописные указатели на полках. Они немного изменились с прошлого раза, как изменился и список эзотерических тем. «Огнеглотатели». «Человек-ядро». «Невосприимчивые к ядам». «Езда по стенам». «Чудеса разума». «Освобождение от оков».

Он тянется к небольшому томику, название которого, выведенное округлыми золотыми буквами, гласит: «Тайная история пушки Заккини», и его пульс заметно учащается. Эти истории в снах нравятся Матчеку, хотя после пробуждения он не может их вспомнить. Он открывает книгу и принимается за чтение.

«Человек-ядро никогда не любил её, несмотря на то что говорил о любви не один раз. Единственной его любовью оставалось ощущение полёта, когда его выбрасывало из огромной железной пушки, которую его дед изготовил из металла, по преданию, добытого из упавшего с неба камня. Человек-ядро хотел обзавестись женой, поскольку так было принято и это помогло бы ему поддерживать в рабочем состоянии великолепный механизм, образуемый им самим и пушкой, но назвать это любовью было бы неправильно...»

Матчек моргает. Это не та история. Она не приведёт его к вору.

От неожиданного кашля за спиной Матчек вздрагивает и резко захлопывает книгу. Если он обернётся, то увидит сидящего за прилавком тощего владельца магазина, который неодобрительно посматривает в его сторону безумными глазами, увидит седые волосы на его груди, пробивающиеся сквозь петли

грязной рубашки, увидит небритое злое лицо и проснётся.

Матчек качает головой. Сегодня он не просто смотрит сон. Он здесь по делу. Он осторожно ставит книгу обратно на полку и начинает подниматься по ступенькам лесенки.

Дерево отзывается скрипом на каждый его шаг. Матчек чувствует себя неуклюжим. Перила под его рукой внезапно становятся мягкими. Стоит допустить оплошность, и он рискует провалиться в другой, более глубокий сон. Но вот среди серых фолиантов, сверху на крайней полке, где заканчивается лестница, он видит голубой проблеск.

Хозяин магазина внизу заходится отрывистым влажным кашлем.

Матчек поднимается на цыпочки и кончиками пальцев тянется к голубому переплёту. Книга падает с полки, а вместе с ней вываливается целый каскад других томов. Пыль мгновенно забивает глаза и горло. Он начинает кашлять.

– Что ты делаешь там, наверху, парень? – раздаётся скрипучий голос, сопровождаемый шаркающими шагами и стоном половиц.

Матчек опускается на колени, разбрасывает книги о блошиных цирках и поющих мышах и отыскивает голубой томик. Сквозь царапины и потёртости на обложке проглядывает коричневый картон, но серебряные минареты, звёзды и месяц остались всё такими же яркими.

По лестнице поднимается нечто, пахнущее благовониями и пылью, но это не хозяин магазина, а что-то намного хуже, что-то сухое и старое, как пергамент...

Не сводя глаз с книги, Матчек резко раскрывает её. Слова с пожелтевшей страницы устремляются ему навстречу потоком чёрных шевелящихся насекомых.

«Одна из легенд о древних народах повествует о царе из династии Сасанидов, повелевавшем армиями солдат и слуг, у которого было двое сыновей – старший и младший...»

Слова взвиваются вихрем. Бумага и буквы становятся объёмными, принимают форму руки с чёрными и белыми пальцами и устремляются к Матчеку из книги.

Пыльное существо кашляет и шепчет, что-то щекочет плечо Матчека. Он изо всех сил сжимает протянутую руку, острые края пальцев-слов впиваются в ладонь. Но он не выпускает их, и рука внезапно увлекает его в простирающийся впереди океан символов. Слова перекатываются через него, словно...

...волны, вокруг босых ног бьются клочья прохладной пены. Над ним тёплое вечернее солнце, навстречу широкой улыбкой расстилается белый песчаный пляж.

– Я уже пробыл здесь некоторое время и думал, что ты так и не соберёшься это сделать, – произносит вор.

Он сжимает руку Матчека в крепком рукопожатии. Это худощавый мужчина в шортах и белой рубашке, глаза скрыты за линзами солнцезащитных очков, синими, как книга из сна.

Полотенце вора расстелено на песке неподалеку от пустых шезлонгов под зонтиками. Они с Матчеком садятся рядом и наблюдают, как солнце опускается в море.

– Я частенько бывал здесь, – говорит Матчек. – Раньше, как ты понимаешь.

– Я знаю. Я почерпнул это из твоих воспоминаний, – отвечает вор.

И пустой пляж внезапно заполняется, как в те субботние дни, когда Матчек приходил сюда с отцом. Сначала они посещали рынок, где торговали всевозможной техникой, потом раскладывали свои приобретения на песке и испытывали в волнах плавающих дронов или просто наблюдали за паромами и водными мотоциклами. Но, несмотря на ощущение песка между пальцами ног, несмотря на запах солнца, пота и соли на коже и красную линию скал на другом конце пляжа, что-то кажется Матчеку неправильным, не таким, как прежде.

– Ты хочешь сказать, что украл всё это, – говорит Матчек.

– Я думал, что тебе это уже не нужно. Кроме того, я надеялся порадовать тебя.

– Да, наверно, так и есть, – соглашается Матчек. – Но кое-какие детали переданы неверно.

– В этом ты должен винить свою память, а не меня, – возражает вор.

Его слова вызывают у Матчека беспокойство.

– Ты тоже выглядишь несколько иначе, – говорит он, просто чтобы что-нибудь сказать.

– Это помогает, если не хочешь быть пойманным, – отвечает вор.

Он снимает очки и убирает их в нагрудный карман. Он действительно немного изменился, хотя Матчек мог бы поклясться, что тяжёлые веки и лёгкий изгиб губ остались такими же, как прежде.

– Ты никогда не рассказывал, как тебя поймали, – говорит Матчек. – Только о самой тюрьме и о том, как тебя вытащила оттуда Миели[1 - Разум (фин.)]. И о твоём путешествии на Марс в поисках воспоминаний, необходимых, чтобы украсть что-то для её босса и обрести свободу.

– И что было дальше? – Вор улыбается, как будто только одному ему понятной шутке.

– Ты отыскал свои воспоминания, но другой ты тоже пытался ими завладеть. Поэтому ты запер его в тюрьме и получил только Ларец, в котором заключен бог. И воспоминание о том, что тебе необходимо попасть на Землю.

– У тебя действительно хорошая память.

В висках у Матчека неожиданно начинает стучать гнев.

– Прекрати надо мной насмехаться. Я не терплю, когда люди смеются надо мной. А ты даже не человек, а просто моя выдумка или то, о чём я прочел в книге.

– А разве в школе тебе не объясняли важность выдуманных вещей?

Матчек фыркает.

– Только для читрагупт. Великая Всеобщая Цель почти достигнута. Смерть реальна. Враги реальны.

– Я вижу, ты способный ученик. Так что же ты здесь делаешь?

Матчек поднимается и сердито шагает к морю.

– Знаешь, я ведь мог бы рассказать им о тебе. Другим ченам. И они уничтожили бы тебя.

– Если сумели бы поймать, – уточняет вор.

Матчек разворачивается. Вор смотрит на него снизу вверх, щурясь от солнца, склонив голову набок и усмехаясь.

– Расскажи мне о том, что произошло в прошлый раз, – говорит Матчек.

– Ты должен меня попросить.

Матчек готов высказать вору всё, что думает: что тот всего лишь плод его воображения и Матчек не должен ни о чем просить. Но вор смотрит так весело, совсем как маленький Будда, всегда стоявший в саду его матери, что слова замирают у него на губах, и он только резко втягивает воздух. Матчек медленно возвращается к расстеленному полотенцу, садится и обхватывает руками колени.

– Ладно, – соглашается он. – Расскажи, как тебя поймали в прошлый раз. Пожалуйста.

– Так-то лучше, – отвечает вор.

От солнца на горизонте остался только золотой отблеск, но вор всё равно надевает очки. Закатные лучи разливаются по морю жидкой акварелью.

– Хорошо. Это история, отрицающая смерть, как я, как ты, как все мы. Этому-то тебя учили в школе?

Матчек бросает на него нетерпеливый взгляд. Вор откидывается назад и усмехается. А затем начинает рассказ.

– Было так, – говорит он. – В тот день, когда за мной пришел Охотник, я убивал воображаемых котов в камере Шредингера.

Окружающий их виртуальный пейзаж меняется, иллюстрируя историю вора закатным сиянием, песком и морем.

1

Вор и Ларец

В тот день, когда за мной приходит Охотник, я убиваю воображаемых котов в камере Шредингера. Ку-щупальца, словно искры от трансформатора Теслы, тянутся от моих пальцев к небольшому Ларцу из лакированного дерева, парящему в воздухе посреди каюты. Позади слегка изогнутая стена с проекцией Магистральной – безостановочно движущейся реки космических кораблей и мыслевихрей, светящегося штриха в темноте, участка гравитационной артерии Солнечной системы, по которой наш корабль «Перхонен» [2 - Бабочка (фин.)] движется от Марса к Земле. Но сегодня меня не трогает её великолепие. Мой мир сузился до границ чёрной шкатулки, в которой, судя по её размерам, может храниться обручальное кольцо, разум бога... или ключ к моей свободе.

Я слизываю капельки пота с губ. Всё поле моего зрения занимает паутина диаграмм квантового протокола. В голове звучат нескончаемый шёпот и бормотание гоголов-математиков «Перхонен». Чтобы помочь моим слишком уж человеческим органам чувств и мозгу, они сводят задачу к необходимости открыть японскую шкатулку-головоломку, выполненную в технике йосеги [3 - Й о

с е г и – традиционное японское искусство создания мозаики из разных сортов древесины.]. Квантовые протоколы фиксируют искривления и желобки в мозаике, болевые точки древесины, напоминающие напряжённые мускулы, движущиеся секции, похожие на слабые улыбки. И я должен отыскать единственно верную последовательность, открывающую шкатулку.

Кроме того, нельзя открывать шкатулку слишком быстро: деревянные детали связаны с бесчисленным множеством кубитов, каждый из которых одновременно является нулём и единицей, а движения представляют собой операции квантовой логики, выполняемые комплектом лазеров и интерферометров, смонтированных гоголами в крылья корабля. Всё это равносильно процессу, который в древности называли квантовой томографией: попытка выяснить, как Ларец реагирует на зонды, внедрённые нами со всей осторожностью, словно отмычки в замок. Я чувствую себя так, будто жонглирую восьмигранными кубиками Рубика и одновременно пытаюсь их собрать.

И каждый раз, когда один из них падает, Бог убивает миллиард котят.

Гоголы выделяют часть диаграммы, и в паутине появляются красные нити. Я сразу же замечаю связь между двумя участками. Если повернуть это сюда, применить вентиль Адамара и преобразовать...

Воображаемое дерево скрипит и потрескивает под моими пальцами.

– Сезам, – шепчу я.

Дратдор, один из старейшин зоку[4 - Клан (яп.)], всегда любил поговорить, так что мне не составило труда получить от него описание Ларца (не упоминая, конечно, о том, что я украл его у зоку двадцать лет назад).

«Представь себе камеру, – сказал он. – И посади туда кота. А вместе с ним установи механизм убийства: к примеру, пузырьёк с цианидом, соединённый с молоточком, и одиночный атом радиоактивного элемента. В течение следующего часа атом либо распадётся – либо нет, либо вызовет удар молотка – либо нет. В таком случае кот в камере будет либо жив, либо мёртв. Квантовая механика утверждает, что в камере нет никакого кота, только образ, объединяющий живого и мёртвого котов. Но мы не узнаем этого, пока не

откроем камеру. А это приведёт к тому, что система останется в одном из двух возможных состояний. В этом и заключается мысленный эксперимент Шредингера».

На самом деле всё совсем не так. Кот представляет собой макроскопическую систему, и чтобы его убить или оставить в живых, нет никакой необходимости во вмешательстве таинственного наблюдателя: переход в какое-либо макросостояние происходит вследствие взаимодействия с остальной частью Вселенной, этот феномен получил название декогеренции. Однако в микроскопическом мире – для кубитов, квантово-механических эквивалентов нулей и единиц – кот Шредингера вполне реален.

В Ларце заключены триллионы воображаемых котов. Живой кот содержит закодированную информацию. Возможно, даже настоящий мыслящий разум. Кубиты Ларца остаются в состоянии неопределённости между небытием и существованием. Заключённый внутри разум ничего не замечает, последовательность квантовых вентиляей позволяет ему продолжать мыслить, чувствовать или дремать. Пока он остаётся внутри, всё хорошо. Но как только он попытается выбраться наружу, при любом взаимодействии с окружающим миром на него тоннами кирпичей обрушится вся Вселенная, и разум будет уничтожен. Плохой котёнок – мёртвый котенок.

– И что же вы спрятали в таком Ларце? – спросил я у Дратдора.

– Нечто очень и очень опасное, – ответил он.

Сектор Ларца на кубитовой схеме, созданной нами за прошедшую неделю, освещается, словно вечерний город. Это ощущение мне знакомо: так всегда бывает, когда обнаруживаешь изъян в запирающем механизме или системе безопасности, или возможного соучастника. Я в нетерпении закрываю глаза и воспроизвожу последовательность движений. Деревянные панели скользят под моими пальцами. Гоголы радостно поют, получив импульсы оргазмического наслаждения от вычисления спектральной последовательности операторов гильбертова пространства. Освещённое пятно на схеме увеличивается. Крышка едва заметно сдвигается...

И захлопывается. Ещё одна ячейка памяти утеряна безвозвратно. Паутина протоколов сворачивается в узел. Последующие измерения свидетельствуют о смерти. Я разрушил ещё один сегмент содержимого Ларца.

Я бормочу ругательство и швыряю проклятую шкатулку через всю каюту. Кушупальца обрываются и рассеиваются. Ларец ударяется о звёздный поток на стене и начинает вращаться.

Слова, уже несколько дней звенящие в моей голове, раздаются снова.

Я не Жан ле Фламбер[5 - Заядлый игрок (фр.)].

Маленькая белая бабочка ловко опускается на Ларец и, трепеща крылышками, останавливает вращение.

– Прежде чем ты что-нибудь сломаешь, я хотела бы напомнить, что это была целиком твоя идея, – слышится рассудительный женский голос корабля.

Она права, это была моя идея. Или, вернее, идея моего прежнего я. Настоящего Жана ле Фламбера, легендарного вора и взломщика разумов, отличного во всех отношениях парня. Который не оставил мне ничего, кроме нескольких обрывочных воспоминаний, старых врагов, тюремного заключения... и того, что находится в Ларце.

– Туше, – признаю я.

– Жан, прошло уже три дня. Может, стоит оставить его ненадолго в покое?

– У меня нет времени. Ты сама сказала, что содержимое декогерирует.

Усталость жжёт глаза, словно горячий песок. Лишнее напоминание о том, что, несмотря на обстоятельства, я ещё не свободен. Капитан «Перхонен» Миели упрямо отказывается предоставить мне доступ к корневой системе моего изготовленного Соборностью тела и ограничивает меня базовыми человеческими параметрами. Она не верит, что все мои предыдущие попытки прервать навязанное мне сотрудничество были обусловлены обычным недопониманием и что я твёрдо намерен уплатить долг чести ей и её труднодостижимому

нанимателю из Соборности.

Но я не могу сдать ся. При первом обследовании Ларца «Перхонен» пришла к выводу о недолговечности заключённой в нём квантовой информации. В течение нескольких дней все котята помрут от старости.

– Да, это довольно необычно для устройств зоку, – произносит «Перхонен». – Если только проектировщик не установил лимит времени намеренно. Как в игре.

– Ты сама сказала, что это устройство зоку. Так чего же от него ожидать?

В мире существует великое множество различных зоку, но все они буквально одержимы играми. Хотя этого порока не лишены и представители Соборности. Одно только воспоминание о Тюрьме «Дилемма» и её убийственных играх вызывает у меня дрожь, не говоря уже о её постоянном кошмаре – Абсолютном Предателе – непобедимом противнике, принявшем мой собственный облик, чтобы расправиться со мной. Какую бы работу ни поручила мне покровительница Миели, она не может быть хуже, чем это.

– Я не знаю, чего можно ожидать. Ни ты, ни Миели не говорите мне, что там внутри. И какое отношение всё это имеет к месту нашего следования. Которое, между прочим, мне совсем не по душе.

– Земля не так уж плоха, – отвечаю я.

– Ты был там после Коллапса?

– Не знаю. Но я уверен, что мы должны туда попасть. – Я развожу руками. – Послушай, я всего лишь краду вещи, чтобы заработать на жизнь. Если у тебя имеются сомнения насчёт общего плана, обратись к Миели.

– Только не сейчас, когда она в таком настроении, – отзывается корабль. Бабочка-аватар делает круг над моей головой. – Но, может быть, тебе стоит с ней поговорить. Об общем плане.

Миели действительно ведёт себя странно. Её и в лучшие времена нельзя было назвать душой компании, а в эти долгие недели путешествия от Марса к Земле

она стала ещё более замкнутой и основную часть времени проводит в медитациях в пассажирском салоне или в рубке пилота.

– Эта идея кажется мне абсолютно неприемлемой, – отвечаю я. Обычно я последний, с кем она хочет говорить.

О чём это толкует корабль?

– Возможно, тебя ожидает сюрприз.

– Ладно, поговорю. Сразу после того, как открою эту штуку.

Я хмуро смотрю на Ларец. Бабочка-аватар усаживается мне на нос, и я отчаянно моргаю, пока наконец не решаюсь смахнуть её рукой.

– Сдаётся мне, ты пытаешься от чего-то отвлечься, – заявляет корабль. – И, похоже, не хочешь признаваться мне в этом.

– Ничего подобного. Я как открытая книга. – Я вздыхаю. – Неужели тебе больше нечем заняться? Психотерапевтических роботов изобрели уже четыре сотни лет назад.

– А ты уверен, что не разговариваешь с одним из них? – Бабочка-аватар рассыпается пузырьками ку-точек, оставляя после себя лёгкий запах озона. – Тебе надо немного поспать, Жан.

Я прикасаюсь к Ларцу, ощущаю твёрдое тёплое дерево и снова раскручиваю его в воздухе, пока грани не сливаются в одно расплывчатое пятно. Движение нагоняет дремоту. «Перхонен» права. Думать об этом легче, чем о Марсе, дворце и богине. А как только я закрываю глаза, все они тотчас возвращаются.

Дворец памяти на Марсе мог быть моим, со всеми его залами, восковыми и бронзовыми статуями, драгоценностями и камнями зоку, украденными у алмазных разумов и богов. Теперь всё это, вся моя жизнь пропала, всё поглощено архонтами, превратившими замок в тюрьму. Единственное, что мне осталось, – это Ларец и сопутствующие ему воспоминания.

Я мог протянуть руку и всё вернуть, но не сделал этого. Почему?

Я не Жан ле Фламбер.

Я мысленно прохожу по мраморно-золотым коридорам и через открытые двери заглядываю в комнаты украденных воспоминаний.

Здесь время, когда я не хотел быть Жаном ле Фламбером. Я жил на Марсе, в городе забвения под названием Ублиетт[б - Место забвения (фр.)]. Я создал себе новое лицо. Я построил новую жизнь. Я встретил женщину по имени Раймонда. Я спрятал все свои тайны даже от себя самого.

Здесь происходит Вспышка – исключительное явление в технике и пространстве-времени. Яркий взрыв в марсианской ночи, умирающий Юпитер осыпает жителей Ублиетта квантовыми грёзами.

Здесь находится зал, названный Переходом между Рождением и Смертью, – построенное мною здание, напоминающее бессмертным о конце всего.

Здесь живёт возлюбленный одного архитектора, чьи воспоминания я... меня вдохновляли. Он поражён Вспышкой. В его разуме я видел пламя богов. И захотел им завладеть.

Здесь марсианские зоку. После Протокольной войны они принесли с собой Ларец. Внутри заключён гогол Основателя Соборности, одного из правителей Внутренней Системы. Пленённый бог.

Здесь живёт женщина по имени Джилбертина – ещё один предмет моего желания, хотя мне и не следовало её желать. В её памяти я и спрятал Ларец. Я носил лицо, полное холодной решимости, которое теперь кажется мне совершенно чужим. «Стать Прометеем», – что-то вроде этого сказал ей прежний я. И именно этого хочет от меня богиня с улыбкой змеи, которой служит Миели.

Здесь женщина Сюэсюэ из парка роботов, бывшая на Земле загрузчиком. До Коллапса, до возникновения Соборности, она превращала детей в бессмертных программируемых рабов.

Потому меня и влечёт к колыбели человечества: я ощущаю важность этих воспоминаний и чувствую, будто есть нечто, что я должен отыскать в мире призраков.

И ещё есть запертая дверь.

Я открываю глаза. Ларец всё ещё вращается. Я отвлёкся. Ответы находятся на Земле и в запертой комнате у меня в голове.

Что бы в этом случае сделал Жан ле Фламбер?

Я беру Ларец и напеваю несколько нот из произведения, исполняемого Стэном Гетцем. В изогнутой поверхности одной из стен появляется овальное отверстие. Большая часть корабля изготовлена из оортианского интеллектуального коралла, восприимчивого к музыке. У меня было достаточно времени, чтобы разобраться, как с ним управляется Миели. Корабль, безусловно, знает, что я делаю, но меня радует хотя бы ничтожная степень секретности, которую обеспечивает наличие тайника.

Я помещаю внутрь Ларец, а затем проверяю остальное содержимое. Парочка камней зоку – мелкие тёмные янтарные овалы размером с перепелиное яйцо – украденных на Марсе, когда сыщик Исидор Ботреле и я присутствовали на вечеринке у его подружки Пиксил. Здесь же её меч из Царства, захваченный мной после поединка с моим прежним я, которого звали Жан ле Руа.

Не так уж много, но это только начало.

Я кладу камень зоку в карман на удачу, запираю остальные мои жалкие сокровища и отправляюсь на поиски Миели.

Миели в центральной каюте корабля возносит молитву Человеку Тьмы. Сначала пение звучит неуверенно, но постепенно её голос крепнет, заставляя двигаться изваяния в нишах и придавая их лицам сходство с гримасой бога бездны. Этой песне научила её бабушка Брихейн, и исполнять её можно только в самых мрачных местах и в самых опасных путешествиях. Но по мере того как Миели погружается в медитацию, статуи становятся её отражениями, и вот уже со стен

на неё смотрит множество Миели с лицами цвета грязноватого кометного льда.

Она замолкает, глядя на них. Парящие в воздухе круглые свечи с пламенем в форме сердечек, слабый аромат корицы, песня – всё это не имеет значения. По спине ползёт холодок.

Ей надо заняться делами. Приготовить прикрытие для высадки на Землю. Просмотреть базу данных Соборности о колыбели человечества и том месте, которое её предки, оортианцы, покинули много веков назад. А вместо этого Миели вздыхает, располагается в удобном кресле у оси нулевой гравитации, возле шаровидных бонсаев, и фабрикует себе колбу с лакричным чаем.

Миели обхватывает руками тёплый шероховатый коралл сосуда. Песенка, вызвавшая его появление, пришла к ней внезапно: всего несколько нот, выучить которые мог бы любой ребёнок. Миели продолжает её напевать, делая первый глоток. Приторный вкус лакрицы и горечь. Она забыла, каким скверным может быть этот напиток. Но вместе с ним приходит воспоминание: утро в кото[7 - Дом (фин.)], ставни открыты, и внутрь заглянуло Маленькое Солнце, мгновенно превратив тысячи шрамов и трещин ледяного неба в яркие штрихи; бабушка вкладывает ей в руки кружку и целует своими морщинистыми губами, её сухой сладкий запах смешивается с запахом чая; водооткачивающие деревья раскрываются, маленькие ананси[8 - А н а н с и – мифологический персонаж ряда народов Западной Африки, предстает в облике паука.] ловят утреннее тепло в свою алмазную паутину...

Но даже это воспоминание больше не принадлежит ей. Теперь им владеет её госпожа, Пеллегрини.

Это ничем не отличается от всего остального, что она уже отдала. Свою плоть, трансформированную в контейнер для синтеза и смерти. Свой разум, усовершенствованный метамозгом, который побеждает страх, вычисляет намерения противников до того, как они что-то задумают, превращает окружающий мир в сетку векторов, сил и вероятностей. И всё это ради Сюдян[9 - Сердце (фин.)]. Так почему же последнее, от чего она отказалась, – от своей уникальности, предоставив богине право копировать её и создавать гоголов, считающих себя Миели, дочерью Карху[10 - Медведь (фин.)], – кажется ей таким драгоценным?

Возможно, потому, что она сделала это не ради Сюдян, а ради вора.

Миели отмечает гнев, всегда возникающий при мысли о его лице, ставшем таким знакомым за последние несколько месяцев: яркие глаза под тяжёлыми веками, лёгкая усмешка, высокие брови, словно прорисованные тонким карандашом. Какое-то мгновение она почти тоскует по биотической связи, которой повелительница соединяла их, чтобы дать Миели возможность чувствовать всё, что ощущает вор. Благодаря этой связи ей легче было его понимать.

На Марсе он заставил её петь. Как и всё остальное, это было уловкой, но посредством биотической связи она чувствовала, как он радуется её пению. Миели уже стала забывать, как это бывает.

И ещё вопрос чести. Она не могла оставить его умирать в очередной тюрьме, когда Пеллегрини решила бросить его, словно сломанный инструмент. Как она могла поступить иначе? Миели дотрагивается до драгоценной цепочки, обвивающей ногу. Прекрасные камни, нанизанные один за другим, – безоговорочный выбор.

Она выпускает из рук цепочку и продолжает неторопливо молиться. Отблески свечей пляшут на лицах статуй, и они становятся похожими на Сюдян. Широкий рот, высокие скулы, надменная улыбка.

– Интересно, почему ты никогда не обращаешься с молитвами ко мне? – спрашивает Пеллегрини. – Все боги ужасно старомодны. Меметический шум в головах обезьянок. Тебе следовало бы помолиться мне.

Перед Миели стоит богиня – тень, отбрасываемая парящими в невесомости свечами. Как и всегда, она держится так, словно на неё действует нормальная сила тяжести: руки сложены на груди, красновато-каштановые волосы свободно струятся по плечам, которые оставляет открытыми светлое летнее платье.

– Я служу и повинуюсь, – отвечает Миели, – но молитвы – моё личное дело.

– Как хочешь. Я нежадная. В любом случае, значение молитв слишком переоценивают. – Она сопровождает свои слова взмахом руки с ярко-красными ногтями. – Можешь оставить их себе. У меня есть твоё тело, твоя преданность и твой разум. Не забывай, ты мне обещала.

Миели склоняет голову.

– Я ничего не забыла. Всё, что пожелаете, будет вашим.

– А кто сказал, что я уже не воспользовалась всем этим?

У Миели пересыхает во рту, а внутренности сковывает холод. Но Пеллегрини смеётся, её голос звенит, словно стекло.

– Нет, нет. Ещё нет. – Она вздыхает. – Ты такая забавная, моя милая. Но, к несчастью, у нас нет времени на веселье. По правде говоря, сейчас мне как раз требуется твое тело, а не душа. Мне надо поговорить с моим Жаном. В силу некоторых обстоятельств мои другие сущности кое-что затеяли. Вы должны быть наготове.

Пеллегрини входит в тело Миели. Это похоже на погружение в ледяную воду. А затем каюта, огоньки свечей и богиня – всё исчезает, и Миели оказывается в спаймскейпе, словно призрак в запутанной паутине Магистрали.

2

Таваддуд и Дуньязада

Перед тем как заняться любовью с джинном господином Сеном, Таваддуд угощает его виноградом.

Она берёт одну ягоду из стоящей на коленях вазы, аккуратно снимает кожицу и зажимает между губами, целуя сладкую влажную мякоть. Затем надкусывает её и слышит металлический вздох из кувшина джинна, тонким белым кабелем подключённого к чувствительной сети бими в её волосах.

Таваддуд улыбается и съедает ещё одну ягоду. На этот раз к вкусу винограда она позволяет присоединиться и другим ощущениям. Скольжение шёлка по коже. Приятная тяжесть туши на ресницах. Жасминовый аромат её духов.

Прежний хозяин, Кафур, учил её, что воплощение – это очень хрупкий процесс шёпота и пауз плоти.

Таваддуд поднимается и медленными скользящими шагами подходит к окну в форме замочной скважины. Это изысканный танец рабыни воплощения: при любом движении кувшин джинна остаётся вне поля зрения. Два часа уходит у неё на то, чтобы расположить в надлежащем порядке все вышитые подушки, зеркала и низкие столики, имеющиеся в этой узкой комнате.

На один миг она позволяет тёплым лучам солнца прикоснуться к лицу, а затем задёргивает мягкие портьеры, и свет приобретает оттенок тёмного мёда. Потом Таваддуд возвращается к своим подушкам у низкого круглого столика в центре комнаты и открывает небольшую шкатулку, украшенную драгоценными камнями.

Внутри лежит книга, переплетённая в ткань и кожу. Таваддуд медленно достаёт книгу, позволяя господину Сену насладиться дрожью предвкушения. Написанная в книге история безусловно правдивая, ничего другого в Сирре не допускается. Таваддуд знает её наизусть, но всё равно смотрит в книгу и, прежде чем перевернуть страницу, проводит пальцем по шероховатой поверхности бумаги.

«Вскоре после прихода Соборности и Крика Ярости в Сирре жила молодая женщина, жена охотника за сокровищами».

ИСТОРИЯ О ЖЕНЕ МУТАЛИБУНА

«Отец выдал её замуж совсем молоденькой. Её муж муталибун был стар не по годам. Его первая жена стала одержимой и ушла в Город Мёртвых, где закончила жизнь гулем[11 - Г у л ь – персонаж арабской мифологии, оборотень, обитающий в пустыне и питающийся свежей мертвечиной.]. После этого он много путешествовал по пустыне, отыскивая гоголов для Соборности.

Его работа оставила ему множество шрамов: тревожные сны, навеянные диким кодом, и сапфировые наросты, которые больно царапали её кожу, когда они ложились вместе. Но это случалось нечасто: чтобы выжить в пустыне, муталибун давно отказался от страсти и прикасался к жене только из супружеского долга. Поэтому её дни в прекрасном доме на Осколке Узеда были отмечены печалью

одинокства.

Однажды она задумала разбить сад на крыше дома. Она наняла Быстрых, чтобы поднять наверх плодородную почву из приморских оранжерей, посеяла семена и велела зелёному джинну вырастить цветы всех оттенков и дающие тень деревья. Много дней и недель она напряжённо трудилась и попросила свою сестру-мухтасиба защитить садик от дикого кода Печатью. По ночам она нащёптывала саду, чтобы тот рос быстрее: в доме отца она с джиннами-наставниками изучала магию атара и знала много Тайных Имен.

Благодаря джинну семена росли быстро, и когда маленький садик зацвёл в полную силу, она проводила там долгие вечера, наслаждаясь запахом земли и ароматами цветов и солнца, согревающего кожу.

Однажды вечером из пустыни налетел сильный ветер. Он бушевал над Осколком и продувал сад насквозь. Ветер принёс с собой облако нанитов, опустившееся на сад, словно тяжёлый, густой туман. Крохотные машины соединялись в блестящие капли на листьях и лепестках её цветов. Подобно древним фоглетам утилитарного тумана из Сирра-на-Небе, которых её отец держал в бутылках в своём кабинете, они сияли чистотой и свежестью.

Жена муталибуна, как её учили, обратилась к туману мыслями и шёпотом. Она улеглась на мягкой траве и попросила туман стать руками и губами возлюбленного.

Туман откликнулся на её призыв. Он закружился вокруг неё, провёл прохладными мягкими пальцами по спине, пощекотал шею туманным языком».

Таваддуд делает паузу, медленно снимает одежду и шёпотом активирует зеркала, тщательно расставленные по всей комнате. Господин Сен когда-то был мужчиной, а мужчина должен видеть. С клиентами-женщинами в этом отношении намного проще, хотя в некоторых деталях они, конечно, гораздо требовательнее.

Затем Таваддуд ложится на подушки, оглядывает себя в зеркало, поворачивает голову, чтобы скрыть под волосами кабель бими, и улыбается. Янтарный свет подчёркивает её высокие скулы и скрывает то, что, в отличие от Дуньязады, её рот несколько великоват, и тело не такое стройное, как у сестры. Но кожа

у Таваддуд тёмная и гладкая, а мускулы твёрдые от долгих восхождений на Осколки.

Она вспоминает, как пальцы тумана ласкали её грудь и живот, и продолжает чтение.

«Но после второго и третьего поцелуев она понимает, что туман не просто отзывается на её мысли, это не продолжение её собственных рук и губ, а живое существо из пустыни, такое же одинокое и жаждущее, как и она сама. Завитки тумана игриво сплетаются с прядями её волос. Она поднимает руку, и под её пальцами туман становится тёплым и плотным. Он осторожно опускается на неё...»

Сердце Таваддуд ускоряет ход. Такой финал нравится господину Сену. Она всё энергичнее ласкает себя, книга захлопывается и падает с колен. И, как всегда, когда жар в её теле нарастает, когда бёдра смыкаются вокруг руки, когда горячие толчки сотрясают её, она ловит себя на том, что думает об Аксолотле...

Однако Таваддуд не успевает достигнуть пика и увлечь за собой господина Сена, поскольку в этот момент неожиданно раздаётся резкий звонок в дверь.

– Доброе утро, дорогая Таваддуд! – слышится голос. – У тебя найдётся минутка для твоей сестры?

Дуньязада, как обычно, появляется в самый неподходящий момент.

Таваддуд вскакивает, её лицо пылает от возбуждения и разочарования. Она набрасывает на себя одежду и отсоединяет кабель бими от кувшина джинна.

Снаружи уже слышны приглушённые шаги. Комната свиданий расположена рядом с кабинетом, в одном коридоре, ведущем от вестибюля.

– Таваддуд! – снова раздаётся звонкий голос сестры. – Неужели ты ещё спишь?

– Всё было... великолепно, моя дорогая. Хотя перед самым концом мне показалось, что ты немного отвлеклась, – говорит господин Сен своим сухим, металлическим голосом.

– Тысяча извинений, – откликается Таваддуд, вытаскивая кувшин джинна из груды подушек. – Я не возьму платы.

Таваддуд негромко бормочет проклятия. Древний джинн обещал за её услуги новое Тайное Имя, которое она давным-давно искала.

– Я обещаю в скором будущем назначить новое свидание, чтобы вас удовлетворить. А сегодня возникла небольшая семейная проблема, с которой придётся разобраться.

Таваддуд поднимает тяжёлый сосуд. Это бесценный биопроцессор, созданный до Коллапса и позволяющий джинну временно локализовать свою сущность в её доме. Снаружи кувшин ничем не отличается от изделий ремесленников Сирра – простая керамика и синяя глазурь, скрывающая сложные схемы.

– По своему опыту я знаю, что семейные проблемы никогда не бывают небольшими, – отвечает джинн.

– Таваддуд! Чем ты занимаешься?

– Боюсь, мне придётся попросить вас уйти, – произносит Таваддуд.

– Конечно, тебе надо только немного помочь мне. До следующей встречи.

Таваддуд ставит сосуд на подоконник. Горячий вихрь раскачивает шторы, раскалённый воздух едва заметно дрожит, и джинн исчезает. Она прячет кувшин между подушками, снова закрывает зеркала и пытается привести себя в порядок.

Раздаётся стук в дверь. Таваддуд уже готова прикоснуться к панели замка, как у неё замирает сердце: книга всё ещё лежит на полу. Она поспешно прячет её в шкатулку и захлопывает крышку.

Дверь открывается. Дуньязада окидывает её злорадным взглядом, держа руку на шее, где висит кувшин карина. Тайные Имена, написанные на ногтях, ярко выделяются на её смуглых руках. Сестра Таваддуд одета для выхода в город: голубое платье, шлёпанцы и украшенная камнями шапочка, волосы заплетены в косички. Как всегда, она выглядит безупречно.

– Я тебе помешала, дорогая сестричка?

– Честно говоря, да.

Дуньязада опускается на подушки.

– Какая миленькая комната. И пахнет чудесно. Ты... развлекалась?

Я знаю, чем ты занимаешься, говорит её улыбка. И поэтому сделаешь всё, о чём я попрошу.

– Нет, – отвечает Таваддуд.

– Отлично. Как раз об этом я и хотела с тобой поговорить. – Голос Дуни понижается до заговорщицкого шёпота. – Я хочу, чтобы ты встретила с одним молодым человеком. Он богат, хорош собой и вдобавок остроумен, к тому же свободен сегодня днём. Что скажешь?

– Сестрица, я вполне могу сама выбирать себе друзей, – заявляет Таваддуд.

Она подходит к окну и задёргивает шторы.

– О, это мне хорошо известно. Потому ты и водишь знакомство с уличными артистами и всяким сбродом.

– Сегодня днём мне предстоит работа. Благотворительность, а точнее целительство. Бану Сасан[12 - Б а н у С а с а н - так в средневековом исламе называли нищих, жуликов и воров, якобы ведущих свой род от легендарного шейха Сасана.] – уличному сброду – нужны доктора.

– Я уверена, молодому человеку будет очень интересно увидеть, чем ты занимаешься.

– Конечно: представляю, как трудно рассмотреть жизнь Бану Сасан из башни мухтасиба.

В глазах Дуньязады появляется опасный блеск.

– Уверю тебя, что мы видим всё.

– Моя работа важнее, чем свидание с надушенным мальчишкой, с которым ты познакомилась на вечеринке в Совете. Дуни, я благодарна тебе за старания, но нет необходимости себя утруждать.

С самым решительным, как она надеется, видом Таваддуд направляется к дверям.

– О, я полностью с тобой согласна. Это всё равно что смывать дикий код с члена муталибуна, и почти так же полезно. Но отец думает иначе.

Таваддуд замирает, ощутив холод в животе.

– Я говорила с ним сегодня утром. Я сказала, что ты раскаиваешься в своих поступках, что больше всего на свете хочешь восстановить доброе имя семьи и снова стать уважаемой женщиной.

Таваддуд оборачивается. Дуни смотрит ей в лицо честными синими глазами.

– Ты хочешь, чтобы я стала лгуньей, сестрица? Сказительницей вроде тебя?

Таваддуд плотнее запахивает на себе одежду и стискивает зубы.
«Сказительница. Любовница монстров. Она больше не дочь мне». Так заявил отец три года назад, когда Кающиеся нашли её и возвратили домой из Дворца Сказаний.

– Так кто же это?

– Абу Нувас, – говорит Дуньязада. – Я думаю, отец будет очень доволен, если вы станете... друзьями.

– Дуни, если ты хочешь меня наказать, могла бы выбрать более лёгкий способ. Что нужно от него отцу?

Дуни вздыхает.

– Что ему может быть нужно от самого богатого в городе торговца гоголами?

– Я не настолько глупа, сестра. – И Кающиеся джинны вроде господина Сена кое о чём мне рассказывают. – Отец пользуется поддержкой Совета, ему нет необходимости покупать чью-то благосклонность. Почему он и почему именно сейчас?

Дуньязада прищуривается и проводит по губам одним из своих колечек.

– Полагаю, я должна радоваться хотя бы малейшему интересу к городской политике с твоей стороны, – медленно произносит она. – Кое-какие недавние события привели к тому, что наше положение стало... нестабильным. Сегодня утром совершенно неожиданно умерла член Совета: Алайль из Дома Соарец. Ты её, наверное, помнишь.

Алайль – женщина с суровым лицом за столом отца; проплешина в её тёмных волосах, оставленная диким кодом, и бронзовая птичка на плече. «Лучше бы тебе выгребать дерьмо после живых, чем становиться муталибуном, девочка». Наверное, в этом и кроется причина, думает Таваддуд, прогоняя воспоминание. В её груди возникает пустота, но она сохраняет невозмутимый вид.

– Дай-ка попробую угадать, – произносит она вслух. – Она ведь больше других поддерживала предложение отца по модификации Аккордов Крика Ярости. Как она умерла?

– Весьма своевременное самоубийство. Кающиеся полагают, что это одержимость. Возможно, это были масруры, но до сих пор они не взяли на себя ответственность. Мы продолжаем расследование. Отец даже связался с Соборностью: сян-ку пришлют кого-то, чтобы разобраться. Голосование по

Аккордам состоится через три дня. За победу необходимо заплатить. Абу Нувасу это известно, следовательно, ты, дорогая сестра, должна постараться изо всех сил, чтобы сделать его счастливым.

– Удивительно, что отец решил доверить это дело мне. – Любовнице монстров.

– Господин Нувас лично просил у отца разрешения ухаживать за тобой. Кроме того, ходят слухи, что его пристрастия... несколько необычны. В любом случае, мне будет некогда – я должна присматривать за агентом Соборности. Скучнейшее занятие, но кто-то должен взять это на себя. Так что остальное за тобой.

– Как удобно. Тебе он доверяет, а меня продает купцу, словно гогола из пустыни.

Так было не всегда. Ей вспоминается шипящая сковорода, пышущий в лицо жар и мягкие руки отца на плечах. «Ну же, Тава, попробуй, что ты приготовила. Если считаешь нужным, добавь немного майорана. Пища должна иметь содержание».

– Дорогая сестра, я ведь стараюсь тебе помочь. Отец мягкосердечен, но он не забыл твоего поведения. Я предлагаю тебе возможность показать ему, на что ты способна.

Дуни берет Таваддуд за руку. Кольца джинна на её пальцах холодят кожу.

– И дело не только в тебе, Таваддуд. Ты говорила о Бану Сасан. Если голосование будет в нашу пользу, у нас появится возможность изменить положение вещей, улучшить жизнь всех жителей Сирра. Если только ты мне поможешь.

Взгляд Дуни искренний, каким он обычно бывал, когда она пыталась уговорить Таваддуд убежать на поиски счастья или спрятаться от джинна Херимона.

– Обещания? Я думала, ты попытаешься добиться своего угрозами, – спокойно произносит Таваддуд.

– Хорошо же, – отвечает Дуни. – Возможно, есть ещё кое-что, о чём отец должен знать.

Таваддуд зажмуривается от пульсирующей боли в висках. Это Аун наказывает меня за Вейраца и Аксолотля. Наверное, я это заслужила. Может, отец снова посмотрит мне в глаза.

– Прекрасно, – медленно произносит она. Таваддуд чувствует себя замёрзшей и слабой. – Будем надеяться, что я для него достаточно необычна.

– Чудесно! – Дуни вскакивает и хлопает в ладоши. Украшения и кольца джинна громко позвякивают. – Не хмурься. Это будет забавно!

Она оглядывает Таваддуд с головы до ног и качает головой.

– Но сначала мы должны что-нибудь сделать с твоими волосами.

3

Вор и арест

Янерешительно вхожу в каюту. Если уж корабль испытывает тревогу, значит, Миели действительно в плохом настроении, а я слишком устал, чтобы выдержать бой с оортианским воином.

Мне не приходится тратить время на поиски. Она парит в центре каюты. Глаза закрыты, смуглое овальное лицо озарено свечами, похожее на тогу платье окутывает её тело, словно кокон гусеницу.

– Миели, нам надо поговорить, – начинаю я.

Ответа нет.

Я подтягиваюсь на продольной оси каюты и заглядываю ей в лицо. Веки не дрожат, и она почти не дышит. Чудесно. Наверное, она погружена в какой-то оортианский транс. Это понятно: поживите на одних ягодах в пустотелой комете, освещённой искусственным солнцем, и у вас тоже появятся

галлюцинации.

- Это важно. Я хочу поговорить с Пеллегрини.

Или она погрузилась в боевую сосредоточенность? Однажды я сумел выдернуть её из подобного состояния, воспользовавшись биотической связью, но для этого мне пришлось проткнуть ладонь сапфировым осколком. Повторять этот опыт мне совсем не хочется, кроме того, связи больше нет. Я щёлкаю пальцами перед её лицом. Потом трогаю за плечо.

- «Перхонен», с ней всё в порядке? - спрашиваю я у корабля.

Но и корабль тоже не отвечает.

- Миели, это не смешно.

Она начинает смеяться - негромко и мелодично. А потом открывает глаза, и на её лице появляется змеиная улыбка.

- Ещё как смешно, - возражает Пеллегрини.

В голове у меня открывается и закрывается дверь тюрьмы. Но не «Дилеммы», а другой тюрьмы, из далёкого прошлого. Возможно, было бы лучше, если бы я там и остался.

- Привет, Жозефина, - говорю я.

- Ты ни разу меня не позвал, - заявляет она. - Я оскорблена.

- Ну, на Марсе мне показалось, что у тебя мало времени, - отвечаю я.

В прищуренных глазах появляется опасный блеск. Наверное, не слишком разумно напоминать ей о нашей последней встрече, когда из-за меня власти Ублиетта вышвырнули её с планеты. Хотя, с другой стороны, может, это и к лучшему.

- Жозефина Пеллегрини, - произношу я её имя.

С ним, безусловно, связаны какие-то воспоминания, но и они остались за закрытой дверью. Это и неудивительно: вероятнее всего, она сама тщательно отредактировала мою память. Для Основателей Соборности подобные фокусы в порядке вещей.

- Так ты всё понял, - говорит она.

- Почему ты мне не сказала?

- О, только ради твоего же блага, мой милый, - заверяет она. - Ты уже пару столетий бегаешь от меня. Я не хотела тебя расстраивать. - Она трогает средний палец левой руки, словно поправляет кольцо. - А знаешь, что происходит, когда пытаешься убежать от своей судьбы?

- Что же?

Она наклоняется ближе.

- Ты теряешь себя. Ты становишься мелким воришкой, сорокой, которая бросается на блестящие побрякушки. Тебе нужна я, чтобы ты стал чем-то бо?льшим.

Гладкой прохладной рукой она прикасается к моему лицу.

- Я дала тебе шанс вернуть самого себя. Ты не сумел им воспользоваться. Ты до сих пор остаешься ничтожеством, годным только на игры с оружием. Я считала, что ты мог бы стать семенем для чего-то грандиозного. Я ошиблась. - Её взгляд становится жёстким. - Ты не Жан ле Фламбер.

Мне больно это слышать, но я не подаю виду. Она по-прежнему говорит ласково, но в глазах загораются искры неподдельного гнева.

Хорошо.

Я отмахиваюсь от её руки.

– Значит, нас таких двое, – заявляю я. – Потому что я полагаю, ты не Жозефина Пеллегрини. Ты просто гогол. Да, наверное, из старейшей ветви. Но не Прайм. Ты никогда не послала бы свою важную составляющую ради такой работы. Ты просто незначительный гогол Основателя. Я хочу говорить с Праймом.

– Какие у тебя основания считать, что ты этого достоин?

– Ты хочешь похитить у Матчека Чена фрагмент Вспышки, а я знаю, как это сделать. И я хочу изменить условия сделки.

Она смеётся.

– О Жан! В прошлый раз ты потерпел неудачу. Всё, на что ты был способен, – ой, даже не знаю, как сказать, – когнитивные конструкции, украденные у зоку и у нас. Трюки с солнцедобывающими машинами. Превосходная маскировка. И всё равно ты был ребёнком по сравнению с ним, с Отцом Драконов. И ты ещё говоришь, что знаешь, как это сделать теперь? Ах, мой милый, мой маленький принц, это просто смешно.

– Ещё смешнее будет наблюдать, как тебя сожрут другие Основатели. Это будут василевы и сян-ку, верно? Они всегда тебя ненавидели. И тебе необходимо оружие против них. Только поэтому ты меня и вытащила.

Её глаза словно две зелёные жемчужины, холодные и твёрдые. Я набираю полную грудь воздуха. Почти у цели. Только бы не забыть, что она способна читать по крайней мере поверхностные мои мысли. Есть способ их скрыть. Ассоциативное мышление. Жемчужины и планеты, глаза и тигры. Она хмурится. Надо её отвлечь.

– Мне и впрямь интересно, как они сумели меня поймать, если я был настолько хорошо подготовлен, – говорю я. – А ты случайно не имела к этому отношения, моя дорогая?

Она встаёт прямо передо мной. Губы сжимаются в тонкую линию. Грудь поднимается и опускается резкими толчками. Она даже расправляет крылья Миели, и они вспыхивают в лучах свечей двумя гигантскими языками пламени.

– Возможно, я на самом деле от тебя убежал, – продолжаю я. – Но стоило тебе дойти до отчаяния, как ты всегда меня разыскивала.

– До отчаяния? – шипит она. – Ты мелкий ублюдок!

Она обхватывает руками мою голову и сжимает с такой силой, что череп вот-вот треснет. Наши лица сближаются, её теплое дыхание пахнет лакрицей.

– Я тебе покажу, что такое отчаяние, – бросает она.

– Нет. – «Да».

Её бледно-зелёные глаза вдруг вспыхивают двумя солнцами. Мир заливают белое сияние. Мое лицо плавится, словно воск, в её руках.

– Слушай, я расскажу, как тебя поймали, – говорит она.

ИСТОРИЯ ОБ ИНСПЕКТОРЕ И ЖАНЕ ЛЕ ФЛАМБЕРЕ

Инспектор настигает этого мерзавца ле Фламбера в фотосфере Солнца.

Прежде чем начать операцию, он пользуется случаем, чтобы хорошенько рассмотреть Основателей на борту прекрасного корабля «Дающий бессмертие». Бородатый Творец Душ неторопливо раскачивается в кресле. Пеллегрини в белом с золотом мундире военного флота пристально и выжидающе смотрит на него. Василев, откинувшись на спинку кресла, крутит в руках бокал с золотистым вином. Двое сян-ку замерли с невозмутимым видом. Чен молча и неподвижно глядит на море. Читрагупта пальцем протыкает дырки в виртуальной поверхности, создавая крошечные пылающие сингулярности, которые сразу же с громким хлопком исчезают.

Инспектор хмуро разглядывает Читрагупту. «Дающий бессмертие» представляет собой сложную конфигурацию электромагнитных полей, окружающих крупную интеллектуальной материи размером с булабочную головку. Корабль парит на высоте пятисот километров над северным солнечным полюсом, в самой низкотемпературной зоне фотосферы. В таких условиях создание виртуального пейзажа стоило ему немалых хлопот.

Это маленький ресторанчик на берегу скалистой гавани. Основатели сидят за столиками на залитой солнцем и обдуваемой прохладным бризом горе, перед ними бокалы с белым вином и тарелки с морепродуктами, источающие насыщенный аромат. Снасти парусных лодок позвякивают на ветру, сопровождая разговор импровизированной музыкой. Напоминанием о том, где они находятся, служит сверкающая модель Эксперимента, которая нависает в небе, словно огромное облако, оставляя от Солнца пылающий ореол. Как и полагается, это мозаичная реальность, составленная из воспоминаний Основателей. Это проявление уважения, необходимое для достижения консенсуса. По крайней мере, теоретически.

Первым нарушает молчание Василев.

– Зачем мы здесь собрались? – спрашивает он. – Мы уже ответили на все ваши вопросы.

Пальцы инспектора нащупывают неровные края шрамов на щеках. Прикосновение вызывает глухую боль. Она всегда с ним, но не потому что раны не зажили, – это его неотъемлемая часть, проявление уважения к Прайму.

«Хорошо», – думает он. Очень хорошо, что встреча проходит в виртуальной реальности, где они могут чувствовать боль. Эти гоголы из глубоких внутренних ветвей губерний привыкли к абстрактным понятиям и стали забывать, что физическая реальность никуда не исчезла, что она грубая и мучительная, изощрённая и хаотичная, как спрятанное внутри яблока лезвие.

– Один из вас и есть Жан ле Фламбер, – говорит он им. – Один из вас явился сюда с намерением совершить кражу.

Основатели смотрят на него в ошеломленном молчании. У Читрагупты вырывается смешок. Взгляд Творца не отрывается от фиолетовых завитков осьминога на тарелке. Пеллегрини дарит инспектору мимолётную улыбку. В его груди возникает странное тепло. Этого он никак не ожидал. Воплощение и высококачественная виртуальность имеют свои преимущества и недостатки. Он едва удерживается, чтобы не улыбнуться в ответ.

– Я совершенно не разбираюсь в этом, – произносит он, указывая вверх.

Небо над ними мерцает нейтринными вспышками районных кораблей, как и «Дающий бессмертие». Миллионы судов движутся по строго определённым орбитам, переплетающимся наподобие нитей гобелена. Где-то очень далеко слышится ритмичное гудение губернии, искусственного мозга величиной с планету. Губерния присматривает за своими детьми из тени Меркурия, координирует их действия, направляет и планирует.

На Солнце надет пояс из крошечных светящихся точек: солнцедобывающие машины выкачивают из расплавленных глубин тяжёлые элементы и поставляют их на фабрики интеллектуальной материи, расположенные на стационарных орбитах. Целое семейство конструкторов-гоголов в плазменных телах взбивают солнечную корону, создавая устойчивые зоны, которые будут использоваться в качестве активного материала в солнечных лазерах.

– Но я знаю, что это служит Великой Всеобщей Цели. Наш брат Творец пытался объяснить мне теорию струн, рассказывал о рассеивании квантовой гравитации, о замках Планка и о том, что Бог не игрок, а криптограф. Мне всё равно. Моё семейство имеет дело с более простыми вещами. Всем вам известно, чем я занимаюсь.

Он слегка лукавит. И, конечно, знает, что должно произойти. Но лучше пусть они считают его варваром.

Солнечные лазеры сфокусируются на совокупности точек, и энергия достигнет такой концентрации, что разорвёт пространственно-временную ткань и даст жизнь сингулярностям, питаемым потоками частиц, выбитых с полюса солнцедобывающими машинами. В них устремятся бесчисленные гоголы, их мысли будут закодированы в единые цепочки в радиусах чёрных дыр. Семнадцать чёрных дыр будут сближаться, увлекая за собой от Солнца длинные оранжевые хвосты плазмы. Рука Бога со множеством пальцев сомкнётся в кулак. Яростный процесс излучения Хокинга превратит в энергию несколько частиц массы Земли.

И, возможно, в этом аду найдётся ответ. Ответ, который кто-то хочет украсть.

– Так где же эта легендарная личность? – спрашивает Василев. – Это безумие. Девять секунд в каркасе Эксперимента, и мы понапрасну тратим циклы в каком-то разукрашенном вире. За его пределами наши братья и сёстры готовятся к

самым блистательным свершениям. А мы чем занимаемся? Гоняемся за призраком. – Он оглядывается на Пеллегрини. – Это сестра Пеллегрини решила, что мы должны плясать под вашу шарманку.

Инспектор своими крупными руками опирается о стол и поднимается на ноги. Резкое движение его массивного тела вызывает звон бокалов.

– Брату Василеву следует следить за своими словами, – негромко говорит он.

В ближайшем будущем придётся с ним разобраться. И с сянью-ку тоже: их здесь двое, старшая и младшая: одна приняла облик из Глубокого Прошлого – лицо сянью-ку и голубое многоугольное туловище со множеством рук, а другая – скромная молодая женщина в простой серой форме. Инспектор почти уверен, что это они подослали вампира, который пытался убить его в корабельном Каталоге.

– Сестра Пеллегрини заметила аномалию среди математиков-гоголов, – поясняет инспектор. – Для расследования она вытащила меня из Каталога и заблокировала внешние коммуникации. И правильно сделала. Я обнаружил следы. В вирах, в памяти гоголов. Ле Фламбер здесь.

Краем глаза он наблюдает за Ченом, стараясь определить его реакцию. Седовласый Основатель единственный, кто не смотрит на инспектора. Его глаза прикованы к небу, и на губах играет лёгкая улыбка.

Старшая сянью-ку встает.

– Существо, о котором ты говоришь, просто миф, – заявляет она. – В наших исходных информационных системах он почти легенда. Призрак.

Её древность производит сильное впечатление. Инстинктивное сяо – врождённое уважение к гоголу, стоящему ближе к Прайму, чем он сам, на мгновение заставляет инспектора почувствовать себя почти ребёнком. Инспектор был мечом Соборности, шепчет его метасущность. Он оставался сильным. Он знал, что его цель истинна и чиста.

– Сестра полагает, что воспоминания Прайма повреждены? – спрашивает он, стиснув зубы и черпая уверенность в увещеваниях метасущности.

– Не повреждены, – отвечает сянь-ку. – Просто удалены.

– Мы напрасно тратим время, – говорит Василев. – Если имеется какая-то аномалия, если корабль заражён, сестра Пеллегрини должна самоликвидироваться и уничтожить судно, и тогда наша смерть послужит Цели. Но, должен заметить, она всегда слишком ценила свою целостность, чтобы поступать так, как необходимо.

Инспектор усмехается:

– Моё расследование проведено досконально. Наш брат Василев и сестра сянь-ку пытались манипулировать гоголами, задействованными в Эксперименте. Но я здесь не для того, чтобы их обвинять. Я ищу Жана ле Фламбера.

Василев изумлённо смотрит на него.

– Из всех возмутительных обвинений...

– Хватит, – произносит Чен.

Внезапно воцаряется молчание. Чен – единственный гогол на корабле, не разветвлённый для Эксперимента: четвёртое поколение, ветвь Битвы с Ангелом Конвея. Когда он говорит, инспектор испытывает настолько сильное смятение, что его не в состоянии подавить даже метасущность.

– Наш брат отлично выполнил своё задание. Если кто-то и ставит под сомнение его рекомендации, то это ещё не доказательство вины, а стремление эффективнее работать на благо Всеобщей Великой Цели, не так ли? Если вопрос только в тождественности, ответ найти несложно. Праймы, в своей мудрости, предоставили нам способ показать миру, кто мы такие.

Когда Чен поворачивается к собравшимся, на его лице сияет блаженная улыбка:

– Давайте обратимся к Кодам Основателей и помолимся.

Инспектор глубоко вздыхает. Он знал, что этого не избежать, но не имеет ни малейшего желания затрагивать свой Код – программу, которая даст Основателям доступ к корневой системе метазаконов небесной тверди, управляющих всеми вирами. Коды отличаются от паролей в той же степени, как ядерное оружие отличается от кремневого топора: он определяет не просто черты характера, а состояние разума, основополагающие моменты, сокровенную сущность. И своей инспектор не слишком доволен.

Тем не менее он с усмешкой наблюдает за Василевом, поднимающимся вместе с остальными. Блондин с золотистой шевелюрой отпивает из бокала и, опуская его на стол, проливает несколько капель – у него дрожат руки. Я предпочёл бы, чтобы это оказался он.

– Давайте, – говорит Чен, – сделаем это все вместе, как братья и сёстры.

Он закрывает глаза. Лицо сияет блаженством, словно он видит нечто прекрасное. Мир вокруг них рассеивается, поглощаемый небесной твердью, исчезает в пустой белизне, словно вино из бокала Василева на хлопковой скатерти.

Основатели один за другим следуют его примеру. Лицо Читрагупты выражает полную безмятежность. Пеллегрини выглядит испуганной. Лоб Творца нахмурен в суровой сосредоточенности. Плоские лица сян-ку, освещённые восторгом и благоговением, становятся красивыми. Василев бледен и покрыт испариной. Перед тем как закрыть глаза, он бросает на инспектора ещё один полный ненависти взгляд.

А затем наступает черёд инспектора.

В небесной тверди закрытие глаз приводит не к темноте, а к белизне. На её фоне выделяются застывшие силуэты Основателей. Инспектор нерешительно притрагивается к Коду. Это вызывает боль, как при прикосновении к шрамам, только в сотни раз хуже. Незажившая рана внутри него источает ужасный запах и истекает гноем, словно...

...пролежни. Она открывается, когда его будит грохот стрельбы. Рядом лежит его сестра. По её открытым глазам ползают мухи. Он сдирает со своего черепа провода. Раздаётся хлюпанье, сопровождаемое вспышкой боли. По лицу струится кровь. Он трогает лоб сестры. Кожа под его пальцами липкая и мягкая.

Он швыряет воспоминания в небесную твердь, стремясь избавиться от них раз и навсегда. Ненасытная белизна принимает и поглощает их. Внезапно перед ним вместо белизны появляется зеркало с шестью его отражениями.

Инспектор касается лица, привычно отыскивая шрамы, и видит, что отражения повторяют его жест. Но шрамов нет: его щеки стали гладкими. В зеркальных отражениях – молодые люди с чёрными как смоль волосами, тонкими штрихами бровей, впалыми висками и тяжелыми веками. На них узкие бархатные пиджаки и белые рубашки, как будто для вечеринки. Они стряхивают с лацканов невидимые пылинки, смотрят друг на друга и моргают, как только что проснувшиеся люди.

Инспектор всё ещё смотрит на них, как вдруг внутри него раздаётся резкий треск. Ещё одна личность проклёвывается, как птенец из яйца. Я с усмешкой замечаю растерянность в глазах остальных моих сущностей, и мы все стряхиваем с себя тяжёлую скорлупу облика инспектора.

Чен рядом со мной хлопает в ладоши.

– Чудесно! – восклицает он, словно взволнованный ребёнок. – Чудесно!

Мы все смотрим на него. Он единственный остался таким же, как и прежде: миниатюрная серая фигура на фоне белизны небесной тверди. Здесь что-то не так. Я ищу его Код в устроенной нами виртуальной ловушке и ничего не нахожу.

А Чен вытирает глаза и снова становится серьёзным. Теперь, когда нет сяо, сопровождающего моей маскировке, рассматривать его намного легче. Низенький коренастый азиат с неровно подстриженными седыми волосами, босой, в простой монашеской одежде. Его лицо выглядит моложе, чем глаза.

– Вир, имитирующий небесную твердь, – говорит он. – Я и не знал, что такое возможно. И весь этот спектакль устроен лишь для того, чтобы украсть мои Коды. Это даже интереснее, чем посещение театра. Очень забавно.

Мы все шестеро отвешиваем поклон.

– Я уверен, ты сумеешь выяснить, как это сделано, – произносим мы хором.

И я вижу в глазах всех своих сущностей, что пытаюсь отыскать путь к отступлению. Но вир вокруг нас запечатан, словно бутылка.

– Конечно, – соглашается он и, заложив руки за спину, оглядывает нас с ног до головы. – Я помню, как столетие назад ты вскрыл солнцедобывающую фабрику. И сейчас снова это сделал. Старый трюк с компилированием. Единственное, что мне непонятно, так это откуда у тебя Код моего старого друга? От Жозефины? Придётся с ней поговорить.

Я не без оснований горжусь собой: одна из самых надёжных систем взломана путем добавления кое-каких мелочей в аппаратное оборудование «Дающего бессмертие», когда около четырёх минут назад солнцедобывающая фабрика компилировала его вместе с другими кораблями в системе координат Эксперимента.

И, безусловно, я подготовил себе путь к отступлению. Надо только заставить его продолжать говорить.

– Джентльмен никогда не разглашает секретов. Это классика, – говорим мы, но уже нестройным хором, поскольку начинаем разниться.

Вот оно. Вир запечатан, словно бутылка, но Чен пропустил одну из задних дверей в моей небесной тверди. Надо только заставить его продолжать говорить.

– В самом деле. И предательство – один из этих секретов, не так ли? Самый древний из них. – Он слегка улыбается. – Ты должен был бы знать, что ей не стоит доверять.

Я и не доверял. Но мы только пожимаем плечами.

– Это игра. Я только этим и занимаюсь. – Мы обводим руками окружающую белизну. – Но ведь ты тоже играешь. Весь этот Эксперимент затеян, чтобы отвлечь внимание остальных, не так ли? Тебе он не нужен. Ты уже получил камень Каминари. Ключ к замкам Планка.

Он приподнимает брови.

– А ты можешь назвать кого-то другого, кто более достоин им обладать?

Мы смеёмся.

– Матчек, при всем моем уважении к тебе, – говорим мы, – я считаю, что драгоценности, замки и ключи надо оставить профессионалам.

– Уважение. Конечно. – Он складывает руки на груди. – Ты считаешь это игрой. А помнишь нашу первую встречу? Я говорил, что для меня это не игра.

Да, мы уже встречались раньше. Но как бы мне хотелось, чтобы ты об этом забыл.

– В таком случае, почему же я всё время выигрываю? – спрашиваем мы.

Один из нас – я уже не могу точно определить, кто именно, – активирует аварийный протокол. Остальные сущности самостоятельно ликвидируются, наполняя шумом белизну вира. Программная оболочка, хранящая мой разум, рассеивает своё содержимое мыслевихрями и запускает их с «Дающего бессмертие» на другие районные корабли. Я прыгаю по коммуникационной сети Соборности, перелетая с одного узла на другой, раскалываюсь, сливаюсь и разбрасываю принесённые в жертву частицы. Чены упрямо и неустанно преследуют меня. Но это не имеет значения. Ещё несколько миллисекунд, и я доберусь до одного из своих спасательных судов – красивых «Лебланов», построенных в «Ганклубе» зоку, уже разогревших двигатели Хокинга, чтобы унести меня отсюда со скоростью света...

И вдруг начинается самоликвидация районов. Фотосфера расцветает вспышками антиматерии, сжигающей мои мосты, уничтожающей миллиарды гоголов, и всё ради того, чтобы изолировать меня, словно вредоносный вирус. Уничтожение распространяется со скоростью лесного пожара, и вот я остаюсь в одиночестве.

Я пытаюсь скрыться в процессах небесной тверди, превращаюсь в медленное реверсивное вычисление. Но всё напрасно: они меня выследили. Чены и творцы окружают меня, мельтешат вокруг, словно лилипуты перед Гулливером, и хватают меня.

А потом появляются невидимые раскалённые скальпели для разума.

Они разрезают меня на части. В первую очередь лишают метамозга – способности модифицироваться, формировать нейронную ткань. Я обездвижен, мёртв, не имею возможности менять облик по своему желанию, взят в плен. Но они позаботились о том, чтобы оставить мне осознание утраты.

Голос задаёт вопросы.

Я не отвечаю и умираю.

Голос задаёт вопросы.

Я не отвечаю и умираю.

Голос задаёт вопросы.

Я не отвечаю и умираю.

В конце концов лезвия добираются до тайника, построенного мной самим много-много лет назад. В голове вспыхивает пламя и уничтожает мои секреты.

И вот я, полностью обнажённый, оказываюсь в стеклянной камере. Мозг, лишённый усовершенствований, гудит от фантомной боли. В руке оружие. За каждой из четырёх стен кто-то ждёт.

Сотрудничество или предательство?

Таваддуд и Абу Нувас

Пока Дуни её ждет, Таваддуд в спальне примеряет новое лицо.

Она всматривается в своё отражение в зеркале. Образ, созданный ею для господина Сена, уже развеялся, и теперь перед ней обычная женщина в белом трико, в котором её широкие бедра не выглядят стройнее. Необычная? Не сегодня. Она проводит рукой по непослушным волосам, но не собирается ничего с ними делать, а просто выбирает короткую накидку с капюшоном, чтобы их прикрыть. После недолгого колебания Таваддуд надевает старые атар-очки, принадлежавшие ещё её матери. Сквозь их круглые золотистые линзы почему-то легче смотреть на мир.

Затем она берёт свою медицинскую сумку и присоединяется к сестре на балконе жилого крыла дворца, чтобы дожидаться подъёмника. Сестра неодобрительно хмурится на очки.

– Они не соответствуют форме твоего лица, – говорит она. – Мама, бедняжка, никогда не отличалась хорошим вкусом. Я уверена, ты была бы просто очаровательной, если бы следовала законам стиля.

Ты совсем не знала нашей матери, думает Таваддуд. И меня тоже не знаешь.

Она старается не замечать колкостей Дуни. Целый день Таваддуд провела дома и теперь с удовольствием наслаждается лёгким ветерком и теплом слепополуденного солнца.

Отцовский дворец похож на руку, торчащую из Осколка Гомелеца, или гигантское растение, поднимающееся по стене: пять высоких зданий, когда-то стоявших вертикально, а теперь повёрнутых горизонтально и обросших многочисленными галереями, соединённых между собой пристройками, балконами и висячими садами. Откуда-то сверху доносится слабое протяжное эхо печальной музыки джиннов. Из Тахта, дворца купцов, торгующих гоголами,

поднимаются запахи пищи, разносимые тёплым ветром. Снизу, словно ростки плюща, к Осколку Гомелеца тянутся тонкие минареты, извилистые платформы и вертикально поднимающиеся улочки. Сам город далеко внизу теряется в туманной пелене, сквозь которую мерцают лишь пурпурные, золотые и синие огни.

Осколок представляет собой сегмент цилиндра высотой два километра – часть орбитальной колонии О’Нила, где жили предки Таваддуд. При падении оболочка цилиндра раскололась, словно яичная скорлупа, – миллионы тонн алмазов, металла и загадочных материалов, бывших в ходу до Коллапса, рассыпались мелкими обломками, а сам цилиндр разбился на пять Осколков. Они вздымаются к утраченному небу, охраняя потаённый и благословенный Сирр, последний человеческий город на Земле.

За спиной Таваддуд раздаётся кашель.

– Прошу простить мою сестру, – говорит Дуньязада. – Она такая мечтательница, что порой мне приходится проявлять твёрдость и обращать её внимание на реальный мир.

– Аун знает, как в эти трудные времена Сирру необходимы мечтатели, – отвечает ей низкий мужской голос.

Таваддуд оборачивается. На балконе рядом с ними стоит мужчина. Он строен и невысок, ниже Таваддуд, с бледной сальной кожей, и выглядит усталым. На нём богатая чёрная с серебром одежда, имитирующая традиционный костюм муталибуна, но сшитая из странной, произведённой в Соборности ткани, дрожащей на ветру. Длинные распущенные волосы, вытянутое лицо и вместо одного глаза – кувшин джинна. Чеканный латунный сосуд, заменяющий левый глаз, поддерживается кожаным ремешком. Человеческий глаз мужчины ярко-зелёного цвета.

– Я и сам мечтатель, – произносит он неторопливо, словно декламируя стихи. – Иногда я слепой нищий, представляющий себя Абу Нувасом, а выпитое утром вино и красивые дамы, такие как вы, только мои фантазии. Но я уверен, что никогда и не мечтал увидеть своё ужасное отражение в ваших глазах, так что вы, спасибо Ауну, наверняка настоящие.

Абу Нувас целует руку Таваддуд, и его латунный глаз ярко блестит в лучах солнца. Лёгкое прикосновение его холодных сухих губ – словно щекочущая ласка джинна. Пальцы у него слегка дрожат, и он быстро отдёргивает руку.

– Господин Нувас, это моя сестра Таваддуд. Позвольте поблагодарить вас за согласие её сопровождать. Видите ли, она очень трепетно относится к своим благотворительным делам, иначе назначила бы встречу в более подходящем месте.

Таваддуд изучает Абу Нуваса и задерживает на нём взгляд дольше, чем принято. Его улыбка становится неуверенной. Женщина решительно выпрямляется. Теперь она не Таваддуд, паршивая овца в семье Гомелец. Это Таваддуд, гордость Дворца Сказаний, возлюбленная Аксолотля.

Нет, сестра, ты совсем меня не знаешь.

– Моя сестра шутит, – негромко говорит Таваддуд. – Я не хотела показаться высокомерной. – Она снимает атар-очки и улыбается Абу Нувасу той же улыбкой, какой одаривала господина Сена и своё отражение в зеркале. – Но я с удовольствием приму ваше предложение меня сопровождать и, надеюсь, услышу ещё немало приятных слов. Я и не знала, что вы поэт.

Она протягивает руку Абу Нувасу. Тот выпячивает грудь и делает шаг вперёд.

– Просто любитель, милая госпожа. Я произношу слова, которые приходят в голову муталибуна во время странствий по пустыне, это лишь блёклое отражение вашей красоты.

Таваддуд смеётся и награждает его другой улыбкой, более тёплой, чем предыдущая.

– За такие слова я позволила бы себя сопровождать даже слепому нищему, лорд Нувас, – отвечает она.

– Прошу вас, зовите меня просто Абу.

Дуньязада смотрит на Таваддуд с нескрываемым изумлением. Таваддуд поджимает губы.

– Дорогая сестра, разве ты не говорила о срочных делах в Совете? Я не сомневаюсь, что они очень важны. Мы все должны служить отцу и городу по мере своих сил.

Подъёмник представляет собой дребезжащее аналоговое устройство с гибкой рамой. Эта металлическая сороконожка передвигается, цепляясь за рельсы, проложенные по Осколку. В лицо дует приятный ветерок. Некоторое время Абу Нувас кажется полностью удовлетворённым тем, что держит Таваддуд за руку и любуется разворачивающимися перед ними видами города. Таваддуд рада молчанию, которое позволяет ей собраться с мыслями.

Ты ещё пожалеешь об этом, Дуни, горько пожалеешь.

На востоке простираются горы и оранжереи, а дальше расстилается море. На севере лежит Город Мёртвых с рядами серых безликих построек. Таваддуд поспешно отворачивается от него.

Над самым городом возвышается шпиль Базы Соборности – массивной алмазной башни, оцетинившейся статуями героев, которые превышают даже Осколки. Она маячит над рынками гоголов, которые постепенно уступают место широким улицам и низким зданиям в тени Осколков Угарте и Узеда. В лучах солнца верхние сегменты Базы кажутся золотыми. Башня постоянно меняется, иногда очень медленно, иногда прямо на глазах, новые шпили поднимаются и опускаются, поверхности и статуи поворачиваются. Каждые несколько секунд грохочут раскаты и сверкают вспышки, и светящиеся потоки мыслевихрей несут приказы Соборности к Ковшу, который сооружают в небе мастера Внутренней Системы.

– Она заставляет чувствовать себя ничтожно маленьким, не правда ли? – говорит Абу.

Абу Нувас хорошо известен своим влиянием на рынке гоголов и инвестициями, порой совершенно безумными. Тем не менее даже самые влиятельные клиенты Таваддуд говорят о нём с невольным уважением. Низкорослые мужчины должны

быть могущественными. Таваддуд старается не поднимать глаз.

– Я предпочитаю великолепию Осколков бездушным творениям Соборности, – отвечает она. – И Крик Ярости диких кодов доказал, что и они могут быть мелкими и слабыми.

– Да, верно, – соглашается Абу. – По крайней мере, иногда.

Мимо проходит другой подъёмник. За ним с шумом проносится рой Быстрых. Эти крошечные гуманоиды, не больше указательного пальца Таваддуд, с тёмными телами и жужжащими крылышками, частенько цепляются к подъёмникам и таким образом добираются до вершин Осколков, а по пути вниз впитывают солнечную и потенциальную энергию. Они продают её в города маленьких человечков, такие как Куш и Миср, а также в сотни других поселений в центральном Сирре, названий которых медлительные люди так никогда и не узнают. Пассажиры пытаются отмахнуться от Быстрых, но те без усилий уклоняются от ударов, окружая подъёмник, словно облако мух.

– Иногда я завидую им, – признаётся Абу, глядя на летающих существ. – Они обитают в мире гигантских статуй, живут стремительной жизнью, ведут стремительные войны, их века и династии сменяются на протяжении одного дня. Наша жизнь слишком коротка, не так ли?

– А ещё говорят, – доверительно произносит Таваддуд, – что Быстрым, как и джиннам, доступны утраченные людьми наслаждения, и если человек познаёт их, он лишается интереса ко всему плотскому.

– Понимаю. – Абу обращает к ней латунный глаз, по-птичьему склонив голову набок. – Вы говорите так, исходя из собственного опыта, госпожа Таваддуд? – спрашивает он с непроницаемым видом.

Выражение лица Абу Нуваса, как и большинства муталибунов, определить трудно. Якобы желая защититься от яркого солнца, Таваддуд снова надевает очки и рассматривает ауру торговца гоголами в Тени. Сплетённый с ним джинн видится ей огненной змеей, обвивающей человека защитными кольцами. Мне надо быть с ним очень осторожной.

Таваддуд провожает взглядом удаляющийся подъёмник.

– Я всего лишь неискушенная девушка из семьи Гомелец.

– Истории утверждают обратное.

– Истории многое утверждают, и потому Кающиеся охотятся за ними, пока похитители тел не успели вместе с ними украсть и наш разум. Поэзия интересует меня больше, чем истории, дорогой Абу, и вы обещали порадовать меня ею. К сожалению, взамен я могу предложить только вечер, проведённый за трудной работой среди Бану Сасан. – Она касается руки Абу. – Но ведь вы не чураетесь трудностей. Моя сестра и я очень ценим помощь, которую вы оказываете нашему отцу.

– Это пустяки. Я предпочёл бы, чтобы вы ценили моё остроумие. Или мою красоту. – Он иронично усмехается и трогает пальцем свой латунный глаз.

Глупая девчонка. Это первый урок Кафура. Заставь его поверить в сон и никогда не позволяй просыпаться.

– В Сирре нет большей чести, чем общение со сплетёнными, а честь важнее красоты, – говорит Таваддуд. – А что вы видите этим глазом? – спрашивает она с озорной улыбкой. – Всё, что пожелаете?

– Хотите посмотреть? – предлагает он.

Таваддуд молча снимает атар-очки и щурится от яркого света. Абу Нувас поворачивает их в своих руках и произносит Тайное Имя, неизвестное Таваддуд.

– Теперь попробуйте.

Она смущённо принимает очки и надевает их. Таваддуд моргает, ожидая увидеть привычный хаос местного атара, цифровую тень реальности. Печати дворцов оберегают Осколки от большей части диких кодов, но даже здесь атар, как правило, заполнен древними спаймами и шумами.

Но она видит совсем другой Сирр.

Город превратился в гигантскую подвижную паутину света. База Соборности по-прежнему здесь, сияющая звезда в центре, а всё остальное сменилось сложной, постоянно меняющейся сетью: яркие пряди, то появляющиеся, то исчезающие, плотные раскалённые потоки, протянувшиеся до самого горизонта, внезапные вспышки активности, напоминающие гнёзда огненных насекомых. Уже через мгновение Таваддуд начинает моргать. Смотреть на эту картину – всё равно что на Солнце.

– Вот что видим мы, мухтасибы и муталибуны, – говорит Абу. – Вот что собирают для нас Кающиеся, кровь Сирра. Торговля гоголами. Торговля техникой Соборности. Труд джиннов. И ещё, – он понижает голос, – торговля воплощением. Это как работа в саду, где мы должны решать, где надо посадить растение, а где выкорчевать, чтобы Сирр мог существовать и дальше. Вот поэтому я и помогаю вашему отцу. И поэтому чувствую себя маленьким.

Таваддуд ещё раз моргает, и видение рассеивается, сменяясь атаром – его каракулями на людях и зданиях, искажёнными белым шумом дикого кода. Она снимает очки.

– В таком случае я рада, что взяла вас с собой на встречу с Бану Сасан, – медленно произносит она. – Мы нередко кажемся себе маленькими, когда смотрим на вещи издалека.

– Ваша сестра говорила, что мы поладим. – Абу снова берет Таваддуд за руку и дарит ей улыбку, значение которой она никак не может разгадать.

Это будет труднее, чем я думала.

Подъёмник, лязгая и скрежеща, добирается до основания Осколка, а затем с ещё бо?льшим шумом трансформируется в трамвай. Он несёт их по широким улицам Тени к центру города, а потом вдоль узких каналов, уходящих к морю, продолжает путь к Базе и Бану Сасан.

Миели парит в спаймскейпе, она призрак в призраке корабля. Здесь представлены все предметы из интеллектуальной материи – от мельчайшего винтика «Перхонен» до системных объектов Магистрала. Реальность, снабженная интерпретациями и пояснениями, бесстрастная физика в паутине значений.

Миели любит находиться здесь, даже когда не занята пилотированием корабля. «Перхонен» состоит из её слов, и здесь она может их видеть. Усилием мысли она способна смотреть сквозь стены, может уменьшиться настолько, чтобы наблюдать за псевдожизнью сапфировых нанодвигателей, или превратиться в гиганта и подержать на ладони невероятно сложный механизм Системы. Она может даже обернуться и посмотреть на собственное тело, словно бросить взгляд из загробной жизни.

Но только не сейчас: центральная каюта корабля закрыта для её спайм-взгляда. Пока Пеллегрини развлекается там с вором, её, словно дух предков, изгнали оттуда. Хорошо хоть дремотное спокойствие спаймскейпа немного смягчает негодование.

– Не волнуйся, – утешает «Перхонен». – Насколько я могу судить, они всё это время заняты разговорами.

– Я даже знать об этом не хочу, – отвечает Миели. – Она сказала, что-то должно произойти.

Миели запрашивает информацию у гоголов сенсорной системы, чьё бесплотное существование посвящено наблюдению за работой корабельных визуализаторов, нейтринных детекторов и прочих приборов. «Перхонен» находится на одной из малых веток Магистрала, спроектированных Соборностью для передачи потоков мыслевихрей. За исключением редких древних маршрутизаторов зоку, оставшихся после Протокольной войны, и стремительных мыслевихрей, на миллионы километров вокруг ничего нет.

Но для полной уверенности Миели приказывает кораблю активировать скрытую в оболочке технологию Соборности. «Перхонен», как и сама Миели, представляет собой сложнейший сплав техники Оорта и Соборности, прошедший обновление на Венере: секретное оружие, квантовая броня, виры,

гоголы и антиматерия заключены в интеллектуальном коралле, словно насекомые в янтаре.

– Вот что мне интересно, – произносит «Перхонен». Её голос заметно изменился, теперь он звучит не из бабочки-аватара, а отовсюду, даже из самой Миели. – Ты собираешься рассказать ему о том, что отдала Пеллегрини гогола?

– Нет, – говорит Миели.

– Мне кажется, это помогло бы ему. Он не может понять тебя по-настоящему.

– Это его проблема, – отвечает Миели.

Среди звёзд, в своём корабле, в своей песне, она чувствует себя в безопасности. Ей хочется забыть о воре, о Пеллегрини, о войнах, богах и поисках. Может быть, она сумела бы забыть и о Сюдян. Зачем кораблю нужно всё портить?

– Я подумала о том, – продолжает «Перхонен», – что он мог бы нам помочь. Ему ведь тоже не терпится получить свободу. Если ты скажешь ему правду...

– Я не хочу об этом говорить, – заявляет Миели.

– Неужели ты не видишь, что делает с тобой Пеллегрини? Сплошные обещания, клятвы, зависимость. К чему это нас привело? Почему мы должны...

– Хватит, – прерывает её Миели. – У тебя нет права сомневаться в её словах. Я её слуга и не желаю быть предателем. Не заставляй меня жалеть о том, что я тебя создала. – Теперь, когда её не успокаивают медитация и сияние свечей, гневные слова легко слетают с губ. – Я не твоё дитя, я твой создатель. Ты не представляешь себе...

И вдруг налетает нейтринный поток, лёгкий, словно дуновение ветра. Очень странно.

Миели замолкает. Корабль не отвечает. Спаймскейп спокоен.

Миели снова сканирует небо. Синтбиотические семена, оболочки мыслевихрей, и очень далеко, на главной артерии Магистралей, одинокий район Соборности. Тем не менее по коже пробегают мурашки.

Может, мне стоит извиниться, думает она.

«Перхонен» изо всех сил старается о ней заботиться. Она пыталась это делать с того самого дня, как её дух вышел из небытия...

Яркий луч молнией разделяет спаймскейп надвое. Изображение меркнет.

Миели рывком возвращается в своё тело. «Перхонен» вокруг неё гудит, словно колокол. Из неровной пробоины в корпусе заглядывают тьма и звёзды. Воздух с шумом вырывается наружу.

В центре каюты пляшет ослепительно-белая точка. Лучи разлетаются от неё во всех направлениях, как от обезумевшего маяка. Деревца-бонсаи рядом с Миели охватывает пламя.

Никогда не возноси молитвы Человеку Тьмы, проносится в голове Миели.

От воспоминаний об аресте удаётся избавиться с большим трудом.

Во рту привкус крови. Я прикусил язык, и это причиняет боль. Но вкус неудачи ещё хуже. Я сплёвываю. Капли слюны и крови рассыпаются передо мной цепочкой белых и тёмно-красных жемчужин.

Опасно было вести с Пеллегрини такую игру. Азарт игрока. В теле Миели, как и в прошлый раз, была она сама. Гоголы Соборности неловко чувствуют себя во плоти, их нетрудно узнать и нетрудно ими манипулировать, какими бы богоподобными они ни выглядели в вире. Она дала мне как раз то, что было необходимо. Дверь во дворце памяти открыта. Я помню Землю. Я помню принца в аль-Джанна[13 - А л ь - Д ж а н н а - в исламе рай.]. И, несмотря на боль, в моей голове складывается план.

И в этот момент в лицо мне ударяет алмазный полицейский.

Миели ещё держит в руках сосуд с чаем, когда на неё попадает луч. Жидкость мгновенно выкипает, а колба лопается с жалобным стоном, который заглушает рёв воздуха. После холода спаймскейпа жар в первое мгновение кажется даже приятным. Затем он обрушивается на неё, словно самый жестокий лёлюю [14 - Пар (фин.)]. В оортианской сауне.

Метамозг реагирует мгновенно. Подкожная броня из интеллектуальной материи активизируется. Ожоги третьей степени остаются только в статистике повреждений. Система ускорения времени превращает мир в слайд-шоу застывших снимков.

В боевой сосредоточенности мир всегда подчиняется логике.

Включить увеличение.

В центре ослепительной белизны обнаруживается устройство длиной меньше миллиметра: гладкий предмет, похожий на кинжал, с узкими лепестками, торчащими из рукоятки. Вокруг тонкого, словно игла, кончика выгравированы лица. Продукт Соборности...

Кинжал-цветок продолжает двигаться. Даже в ускоренном времени среди бабочек-аватаров «Перхонен» он похож на осу, совершающую свой убийственный танец. Мелькающий луч создаёт стробоскопический эффект, он мечется по стенам каюты, оставляя за собой раскаленные шрамы. Луч поворачивается в сторону Миели.

«Перхонен» набрасывает на него сферу из ку-точек и повышает уровень энергии, связывающей искусственные атомы. Зеркальная сфера прыгает по каюте и начинает светиться.

Лазеры, мысленно обращается Миели к кораблю, одновременно настраивая собственное оружие. Приготовься вышвырнуть его и сжечь. Она занимает позицию между летающим кинжалом и вором, неподвижно висящим в воздухе с закрытыми глазами. Для его безопасности она воздвигает ещё один барьер из ку-точек.

Гоголы-стратеги передают результаты анализа в её метамозг. Луч устройства производит сканирование, как Врата Царства зоку, он собирает информацию, но уничтожает источник, а данные куда-то передаёт. Область высокой температуры определяет ширину энергетической зоны.

Уничтожить его, и пусть боги сами разбираются.

- Миели, - окликает её корабль. - Он не...

Ку-сфера лопается. Кинжал пульей несётся навстречу Миели. Она стреляет из гостгана, выпуская густое облако наноракет, но понимает, что опоздала. Устройство светящейся змеёй лавирует между микроскопическими зарядами.

Сканирующий луч когтём скребёт по телу Миели. Обезумевшая броня переходит к активным контрмерам. Кожа выбрасывает крошечные фейерверки, но это не помогает. Внутренности кипят и разрываются - натиск давления и высокой температуры чередуется с периодами восстановления, - а луч поднимается к голове и мечется из стороны в сторону, сопровождаемый стаккато рапортов о полученных повреждениях.

Она ожидала холодного отчуждения в этой битве, осознания того, что после её смерти останется другая Миели. Но вместо этого непреодолимый страх сковывает её мысли, несмотря на боевую сосредоточенность.

И она не сопротивляется.

Кинжал из бездны изменяет направление: лишь слегка задев её щеку, он перемещается к беспомощному вору. Процессор Нэша, содержащийся в метамозге, выдаёт три возможных варианта, но ни один из них не годится.

Миели игнорирует рекомендации и освобождает вора от оков.

Перед ударом алмазного снаряда я едва успеваю моргнуть, как вдруг превращаюсь в бога. В не слишком могущественного бога, но всё же я сознаю особенности оболочки из интеллектуальной материи, которая изображает человеческое тело, и свойства районного компьютера, встроенного в мозг.

Я только во второй раз получаю доступ к управлению им. В первый же момент меня поражают хитросплетения синтбиотических клеток вокруг алмазной основы, мощность термоядерного источника энергии в основании позвоночника и превосходные эмиттеры ку-частиц. Могучий мозг приводит меня в недоумение – моё собственное сознание в его сложнейшем лабиринте кажется невероятно малым, и какое-то время я просто брожу по его коридорам холодной логики и размышляю. План, который Пеллегрини невольно подсказала мне, тоже здесь, в виде мозаики, сложенной из взаимосвязанных фрагментов. Я изучаю его со всех сторон и даже что-то напеваю. Чего-то не хватает.

И тогда я слышу голос камня зоку, чувствительного к любым мыслям и потребностям. Я выражаю ему своё пожелание, и он превращается в недостающую часть, завершающую мозаику. Что-то подсказывает мне, что это неправильно, что я должен ощущать свою вину, но какой вред может быть от подобной красоты?

Я чувствую себя маленьким мальчиком, нашедшим на берегу красивые камешки. Я напеваю себе под нос. Я был бы счастлив навсегда остаться в своих мыслях.

Но издали доносится слабый голос, сигнализирующий о том, что моя плоть плавится, и о ярком, непереносимо ярком луче, который качается передо мной из стороны в сторону, словно часы гипнотизёра. И с этим надо что-то делать.

Я начинаю двигаться. Мне кажется, что на меня надели огромную оболочку робота – громоздкую и неуклюжую. Тело не успевает за реакцией разума. Левая рука исчезает в белом огне: искусственная кожа, плоть и кости – всё поглощает пламя. Метасущность моего тела спокойно сообщает, какое время потребуется для полного восстановления. И ещё выдает информацию о крошечном устройстве, которое сжигает меня заживо: злобное создание Соборности,двигающееся по зигзагообразной траектории по разгромленной каюте «Перхонен», нацелилось прямо на мой мозг.

Копы. Как бы ни менялся мир, они остаются прежними.

Я не большой любитель шахмат, но кое-что в этой игре приводит меня в восхищение. Спустя какое-то время начинаешь почти визуально различать линии атаки между фигурами. Опасные зоны, где физически невозможно предпринять какие-либо действия. Множества вероятностей, запретные участки.

Именно так теперь я вижу алмазного копа. Внезапно возникает ощущение скрытого внутри меня зеркального изображения.

Хороший охотник, быстрый охотник, отличный охотник, если найдёшь его, начнётся потеха...

Вот оно. Зеркала. Я отдаю приказы своему чужеродному телу. Оно повинует.

Ку-слой под моей опалённой кожей трансформируется в метаматериал. Импровизированный плащ-невидимка. Я превращаюсь в блестящую статую. Смертоносный луч огибает меня. Он упирается в ряд изваяний из кометного льда в галерее Миели. Коп продолжает бушевать, но он в растерянности, и я успеваю сказать «Перхонен», что нужно делать...

Вокруг источника света возникает ку-сфера – сверкающий бильярдный шар, в котором отражается моё искажённое лицо. От неожиданного потока электромагнитного излучения пощипывает кожу. А затем «Перхонен» вышвыривает незваного гостя вдоль оси каюты в открытый космос, и после него остаётся только струя ионизированного воздуха.

Загораются лучи корабельных лазеров. Вдали сверкает вспышка взорвавшейся антиматерии. От вихря гамма-лучей и пи-мезонов начинается головная боль.

И замки на моём принадлежащем Соборности теле снова защёлкиваются. Миели парит рядом со мной, вокруг неё щупальцами медузы тянутся струйки тёмной крови. А потом в руке вспыхивает боль, и я не могу удержаться от крика.

Пламя постепенно угасает, корабль заделывает пробоины в оболочке, а Миели тем временем занимается рукой вора. В кабине стоит отвратительный запах горелой синтбиотической плоти, воняет озоном и дымом, в воздухе летает пепел бонсай. Рядом с Миели серым ароматным призраком парит пузырёк лакричного чая.

– Больно, – жалуется вор, с отвращением наблюдая, как восстанавливается плоть на его обгоревшей культе. – Проклятье, что же это было? Гоголы не могли такого сотворить.

Выглядит он ужасно. Вместо левой стороны лица сплошная кровавая рана, верхнюю часть туловища, словно кратеры на поверхности планеты, испещряют обугленные вмятины. Миели чувствует себя не лучше. Она вся покрыта потом, а голова и живот гудят от напряжённой работы восстанавливающих нанитов. За исключением мозга, ничто в ней не представляет ценности, но Миели не намерена оставлять своё биологическое тело гнить.

– Что бы это ни было, – говорит «Перхонен», – боюсь, последует продолжение. Это устройство выделяет колоссальное количество тепла. Я проследила его путь. Там что-то есть. Что-то большое, не подчиняющееся протоколам Магистральной. Целый рой этой мелкой пакости, их несколько тысяч, и, судя по направлению движения, они намерены нас перехватить.

– Сколько у нас времени? – спрашивает вор.

– День или два, может быть, и три, если мы поднажмём, – отвечает «Перхонен». – Быстроходные мерзавцы.

– Проклятье, – шепчет Миели. – Пеллегрини предупреждала меня. Надо с ней поговорить. – Она мысленно обращается к богине, но не может её отыскать.

Вор поворачивается к ней здоровым глазом.

– Думаю, она будет скрываться, пока мы не избавимся от хвоста, – заявляет он. – Но противник силён, сильнее любого из нас. Наверное, сильнее, чем я могу себе представить. Честно говоря, на твоём месте я поискал бы другую работу. Дело становится скверным.

Миели приподнимает брови. Оба они напоминают сломанных кукол. Её одежда изорвана в клочья и покрыта пятнами крови. Лицо вора всё ещё разбитое и красное. Клочья лечебной пены, вырабатываемой восстановительной системой в его теле, прикрывают ужасные ожоги на руках, ногах и торсе.

– Да, очень скверным, – повторяет вор. Неповреждённая часть его лица становится серьёзной. – Я должен тебе кое-что сказать. Мне известно, кто твой босс и чего она хочет. Надо признать, ставки высоки даже для Основателей и Праймов. Всё это – результат какого-то конфликта между ними. А мы оказались в самом его центре.

- Благодаря тебе, - отвечает Миели.

- Туше, - признает вор. - Итак, можем мы убежать?

Разрушения от вторжения кинжала-цветка только поверхностные, и «Перхонен» уже контролирует ситуацию. Но Миели точно знает, на что способен её корабль, а что не в его силах. У неё самой в животе ещё покалывают иглы страха. И она чувствует, что не может от них избавиться.

- Нет, - говорит она. - Но мы можем драться.

Может, это наилучший способ покончить со всем сразу. Сразиться с непобедимым врагом в надежде на славную гибель.

Вор окидывает её недоверчивым взглядом.

- Я с уважением отношусь к твоей способности убивать врагов, - сообщает он, - но неужели в оортианских школах не учат основам математики? Одно такое существо едва нас не убило. Ты уверена, что сразиться с несколькими тысячами его собратьев - это хорошая идея?

- Это мой корабль, - произносит Миели. Цепочка с драгоценными камнями обжигает ей кожу. Сюдян. Может, другая я сумеет её вернуть? Она прикрывает глаза. - И это моё решение.

Миели, шепчет «Перхонен». Эта штука - высокотехническое устройство Соборности. На Марсе я истратила значительную часть боеприпасов. Мы, конечно, хороши, но не настолько. Что ты творишь?

- Миели, - окликает её вор. - Ты в порядке?

Миели глубоко втягивает вонючий воздух и открывает глаза. Вор смотрит на неё с искренним беспокойством.

- Послушай, - негромко говорит он. - Давай подумаем. Всегда есть какой-то выход.

- Отлично, - отвечает она после паузы. - Что ты предлагаешь?

Вор некоторое время молчит.

- Эта штука, похоже, очень хотела добраться до меня, - заявляет он. - Может, нам удастся использовать это обстоятельство?

- Сделать твоего гогола и пожертвовать им? - саркастически предлагает Миели.

По лицу вора пробегает тень.

- Нет, это невозможно. Жозефине, похоже, достаточно одного меня. Должно быть что-то ещё... - Его здоровый глаз поблёскивает. - Конечно. Какой же я идиот. Дело вот в чём. Если копу нужен я, мне придётся стать кем-то другим. Мне необходимо новое лицо.

Вор пытается почесать окровавленную вмятину отсутствующей рукой и разочарованно разглядывает обрубок.

- Потребуется ещё кое-что, но я, кажется, знаю, где всё это найти. Если «Перхонен» права, у нас осталось меньше двух дней, чтобы открыть Ларец.

- И как мы это сделаем? - спрашивает Миели.

- Так, как делаются все по-настоящему важные вещи: при помощи дыма и зеркал.

- Жан, прошу тебя, оставь свои игры.

Вор не без труда улыбается ей и достаёт из кармана небольшое янтарное яйцо. Камень зоку.

- Как быстро ты сможешь отыскать маршрутизатор зоку?

Таваддуд и гуль

Район Бану Сасан располагается вокруг Базы Соборности. Изначально он задумывался как модель города Соборности: высокие массивные дома, площади, статуи и загрузочные храмы. Но после Крика Ярости почти все здания пустуют, и лишь в обширных складах размещаются чужеземные товары, предназначенные для тех, кому благодаря торговле гоголами они доступны. В этом районе прячутся от дикого кода слабые и нищие обитатели города.

Таваддуд осторожно наблюдает за Абу. Она ожидала, что при виде грязи и нищеты торговец гоголами задерёт нос, но вместо этого он смотрит вокруг с бесстрастным вниманием, даже когда они проходят по площади Тахт аль-Калаа, где живёт женщина-паук. Дикий код вырастил на её груди паучьи железы, и женщина сплела из паутины огромный шатёр. Внутри на тонких нитях, словно загадочные фрукты, висят маленькие статуэтки и кувшины джиннов.

В сухом воздухе чувствуется неистребимый запах озона, смешанный с едкой вонью невымытых тел. Актёры театра теней под негромкую музыку создают картины на поверхности высоких колонн, старики с отметинами дикого кода на лицах играют в шахматы в уличных кафе. Акробаты-химеры в шёлковых костюмах поигрывают мускулами, усиленными сапфиром.

Абу останавливается, чтобы дать несколько соборов мужчине с клеткой, в которой заперта ещё одна химера: похожее на розовый эмбрион существо размером с собаку, с прозрачным голубым панцирем и тонкими паучьими ногами. Мужчина несколько раз кланяется и громко объявляет собравшимся вокруг людям, что в клетке у него принц Торопливого Нью-Йорка, получивший это обличье от Ауна. Химера якобы понимает священные тексты и, постукивая ногами по бетону, диктует ответы на вопросы. Через атар-очки Таваддуд различает цепочки, которые соединяют странное существо с мозгом его хозяина.

– Дорогой Абу, вам надо быть осторожнее, – говорит она. – Я не хочу, чтобы вы стали одним из моих пациентов.

Хотя я не сомневаюсь, что джинны-телохранители, которые следуют за нами, сумеют удержать вас от любых неосторожных поступков.

– Это ужасно. Но я уверен, что многие из этих людей отправляются в пустыню только ради того, чтобы после вы занялись их лечением.

– Должна предупредить, мои лекарства могут быть горькими.

Она похлопывает по своей медицинской сумке.

Абу смотрит на неё с любопытством.

– Почему вы это делаете? Почему приходите сюда?

– К концу дня вы, возможно, и сами это поймёте. А как вы относитесь к Бану Сасан?

Абу улыбается:

– Я здесь вырос.

Таваддуд в изумлении моргает.

– Я хотела бы услышать эту историю.

– Боюсь, она слишком длинна для послеобеденной прогулки. Кроме того, я нечасто решаюсь её рассказывать: трудно иметь дело с семействами мухтасибов, если не носишь фамилию Соарец, Угарте, Гомелец или Узеда. – Абу разводит руками. – При этом неважно, сколько гоголов доставляют из пустыни мои муталибуны.

– Что ж, мудрый человек в вашем положении подыскал бы себе невесту среди младших дочерей из семейств мухтасибов. Даже если у неё... не слишком хорошая репутация.

Абу опускает взгляд.

– Я надеялся провести приятный день с привлекательной женщиной, не затрагивая подобных проблем.

Его человеческий глаз полон грусти, и Таваддуд едва удерживается, чтобы не сказать, что он не должен жениться на женщине, предпочитающей монстров. Но рана, нанесённая Дуни, всё ещё причиняет боль. Я покажу отцу, на что способна. Но не так, как она думает.

Таваддуд легонько касается плеча Абу.

– Вы правы. Давайте оставим брачные союзы и Семейства на Осколках, где им и место. Здесь неважно, кто вы. И это одна из причин, по которым я сюда прихожу.

По обыкновению Таваддуд выбирает место для своей практики рядом с безликой статуей Соборности – бородатый мужчина с инструментами слесаря уже носит на себе каракули и пятна диких кодов, различимые в атаре.

Пока Абу осматривается, Таваддуд достаёт из сумки палатку – отдельные детали образуют конструкцию на тонких шестах, похожих на ноги гигантского насекомого. В результате получается небольшой шатер со столиком и койкой. Таваддуд раскладывает свои инструменты и кувшины джиннов. К тому времени, когда она заканчивает приготовления, появляются первые пациенты.

Они выстраиваются в очередь снаружи и входят по одному. В большинстве случаев дело заключается просто в навязчивых идеях, от которых легко избавиться. Людям, по-настоящему поражённым диким кодом, помочь сложнее, но, к счастью, сегодня их немного. Один из таких посетителей – подросток со светящимися V-образными штрихами, перемещающимися по его телу, словно стаи птиц. Мальчик утверждает, что это древний символ победы и хотел бы сохранить отметины, но Таваддуд объясняет ему, что они будут разрастаться, пока не сожгут всю его кожу.

Она обхватывает его лицо ладонями и внимательно изучает через атар-очки.

– Ты опять был в пустыне, – упрекает его Таваддуд. Мальчик вздрагивает, но она не выпускает его голову. – Дай мне посмотреть.

Она снимает с пояса один из кувшинов джинна, открывает его и выпускает оттуда существо, которое в атар-взгляде предстаёт в виде облачка треугольников.

– Я же говорила, чтобы ты туда не ходил, – напоминает она.

– Человек не может без мечты, моя госпожа, а мечты живут в пустыне, – отвечает мальчик.

– Я вижу, ты поэт. Сиди спокойно. – Маленький джинн поглощает дикий код в лобной доле мозга мальчика. – Будет немного больно. Но если ты не свернёшь с пути муталибуна, можешь ничего не достигнуть.

– Я слишком ловкий, чтобы меня поймали, – морщась от боли, говорит подросток. – Как Али-ртуть.

– Но и он оказался не самым быстрым. Никому и никогда не скрыться от Разрушителя Наслаждений.

– Кроме Принца-цветка, – возражает мальчик. – Бессмертного вора.

А потом к ней приходит гуль.

Это жена одного из сапфировых акробатов, худая мускулистая женщина с тёмными кудрями, в облегающей одежде из сфабрикованной в Соборности ткани. Акробат ведёт её за руку. Она идёт за ним, словно ребёнок, в её глазах пустота.

Таваддуд усаживает её.

– Ты можешь назвать своё имя? – ласково спрашивает она.

– Чанья, – отвечает женщина.

– Её зовут Мари, – угрюмо говорит акробат.

Таваддуд кивает.

– Тебе известно, откуда это у неё?

Акробат сплёвывает и протягивает Таваддуд гладкий прозрачный листок.

– Я нашёл это в её палатке, – сообщает он. – Всё сжёг, оставил только один, чтобы показать вам.

Таваддуд бросает взгляд на страницу, плотно заполненную текстом. Некоторые слова уже выгорели, но их всё ещё можно прочесть. Внезапно она ощущает их притягательную силу...

ИСТОРИЯ О МОЛОДОМ КАБЕЛЬЩИКЕ И АЛЬ-ДЖАННА ПУШКИ

Давным-давно, ещё до того как Крик Ярости потряс Землю и Соборность запустила когти в её почву, в городе Сирре жил юноша. Он был сыном кабельщика, его грудь и спина потемнели от солнца, а в своём ремесле он достиг немалого мастерства. Но как только наступал вечер, он отправлялся в одну из таверн, чтобы послушать истории муталибунов – охотников за сокровищами. С горящими глазами, затаив дыхание, внимал он рассказам о свистящих песках и рух-кораблях и о тёмных страстях, пробуждаемых алчностью в сердцах людей.

Но больше всего юноша любил слушать историю о Потерянном аль-Джанна Пушки, священном месте, охраняемом Ауном, о подземном городе, где дремали и ворочались во сне первые загруженные души.

– Возьмите меня с собой, – говорил он. – Я буду нести вашу поклажу. Я буду просеивать песок в поисках кувшинов джиннов. Я не испугаюсь никакой работы, только позвольте мне стать муталибуном.

Но старые муталибуны почёсывали бороды, качали головой и говорили «нет», никогда не объясняя причины отказа. Однажды вечером юноша потратил весь свой дневной заработок на медовое вино, чтобы уговорить самого старого из муталибунов ответить, почему его не берут.

– Ты слишком многого хочешь, – произнес старик с улыбкой на потрескавшихся от зноя губах. – А муталибун не испытывает желаний. Он ищет, берёт, но не желает. Джинны и потерянные аль-Джанна значат для него не больше, чем пыль под ногами. Откажись от своих желаний, мой мальчик, и, возможно, тогда ты станешь муталибуном.

Весь день юноша до боли в руках и плечах соединял провода, прокладывал пути для джинов, изнемогая от тяжести катушки на спине, но ни на мгновение не переставал размышлять. Конечно, старики устали – устали от грубости сапфиров под кожей, потеряли рассудок в пустынных видениях, навеянных диким кодом. Даже отец юноши с его незначительными стремлениями как-то взял сына с собой на площадь аль-Калаа к женщине-пауку, чтобы с помощью её даров взбираться выше на стены, цепляясь крошечными шипами на ладонях и ступнях.

Но ведь чтобы добиться успеха, чтобы забираться выше, чем остальные, надо хотеть этого? Чем больше юноша раздумывал над словами старика, тем сильнее пустыня обжигала его мысли, словно солнце, бьющее в глаза с вершин Осколков.

Он соблазнил официантку из таверны голодным взглядом своих тёмных глаз и обещаниями подарить кольца джинов и мыслящую пыль, которая будет звёздами сверкать в её волосах. И она стала его сообщницей: подсыпала в стакан уставшего муталибуна снадобье, полученное от женщины-паука, взяла защищённое Печатями снаряжение и рух-посох и отдала всё это юноше. На рассвете он оделся в костюм муталибуна и у Вавилонских ворот присоединился к группе охотников за сокровищами, чтобы уйти с ними в пустыню.

В те времена муталибуны были ещё более неразговорчивы, чем сейчас. Они берегли голоса и объяснялись жестами, если случалась нужда. Даже их охотничьи джинны казались безмолвными тенями, выходящими из кувшинов, чтобы порывами кровожадного ветра преследовать в ночи видения мертвецов. Юношу приняли за своего – всего лишь ещё одно согбенное существо, отправившееся в долгий путь по пустыне. Однако он едва не выдал себя, когда в первую ночь, остановившись на отдых в оазисе деревьев-мельниц, попытался открыть свою фляжку раньше, чем это сделал предводитель. Его спас только суровый взгляд другого муталибуна.

Но мечты гнали его дальше, а окружающая пустыня прислушивалась к ним. Город, о котором он мечтал, появился внезапно – сверкающий аль-Джанна Пушки. Но старший муталибун, похоже, собирался просто пройти мимо, и юноша

знаками сказал предводителю, что надо изменить направление. Старик только покачал головой. Тогда юноша отправился один. Оставив группу, он вошёл в город, уверенный, что только у него хватило смелости завладеть скрытыми внутри тайнами.

В первый момент он почувствовал себя королём. Он увидел машины джинов, сохранившиеся с давних времён, виртуальные миры, куда можно было мысленно заглянуть, корпуса механизмов, в которые облачались джинны, и они показались ему прекраснее любых рабынь. Они взывали к нему, и юноша взялся за инструменты муталибуна, чтобы извлечь их души и заключить в кувшины.

А потом перед ним явился Аун во всех своих воплощениях. Принцесса-трубочист. Кракен из света. Зелёный Солдат. Принц-цветок.

Расскажи нам правдивую историю, или мы заберём твою жизнь, потребовали они.

Но юноша знал только одну правдивую историю.

Давным-давно, ещё до того как Крик Ярости потряс Землю и Соборность запустила когти в её почву, в городе Сирре жил юноша...

Таваддуд отводит взгляд. Как же древние люди справлялись со всем этим? Призраки, созданные кем-то другим, окружали их со всех сторон, готовые овладеть разумом и подчинить его чужой воле. Но в Сирре призраки реальные, и они скрываются в историях.

– Мне кажется, я знаю, кто это, – говорит Таваддуд.

Она надевает атар-очки и шепчет слова, которым научил её Аксолотль. И вот в голове женщины она ясно различает два переплетённых контура. Многие похитители тел действуют более тонко. Но только не этот.

– Ахмад, – строго произносит она, глядя на пациентку. – Ахмад Недуг.

В мозгу женщины вспыхивает тонкая цепочка нейронов. Зацепила.

– Ахмад, я знаю, что это ты. А ты знаешь, кто я?

Пациентка начинает хихикать.

– Да, детка, я тебя знаю. Ты шлюха Аксолотля. Давненько не виделись, – отвечает она высоким свистящим голосом.

Стоящий рядом Абу Нувас резко втягивает воздух.

Проклятье. Как не вовремя. Всё уже было готово, чтобы отомстить Дуни, чтобы соблазнить его.

Таваддуд встряхивает головой и подавляет разочарование. Какими бы ни были её планы, надо позаботиться о пациентке.

– Значит, тебе известно, что я умею? – понизив голос, продолжает она. – Я владею Тайными Именами, которые сотрут тебя в порошок. Если я их произнесу, они отыщут тебя и начнут пожирать. Ты этого хочешь?

– Махмуд, о чём она говорит? – неожиданно восклицает женщина. – Где я? Не позволяй ей меня обижать.

Акробат делает шаг вперёд, но Таваддуд поднимает руку.

– Не слушай её, это уловка. – Она смотрит в глаза пациентке: – Уходи, Ахмад. Пусть контур девушки отторгнет тебя. Убирайся в Город, и я не открою Кающимся, где твоё логово. Ну, что скажешь?

Женщина вырывается из рук акробата и вскакивает на ноги.

– Сука! Я сожру тебя!

Таваддуд произносит первые слоги Тридцать Седьмого Тайного Имени. Пациентка неуверенно замирает. Затем ложится на коврик у койки.

– Ты победила, – произносит она. – Я передам от тебя привет Аксолотлю. Говорят, у него новая подружка.

После этого женщина расслабляется, её глаза закрываются, и дыхание становится спокойным. Ещё несколько мгновений Таваддуд наблюдает за её мозгом, чтобы убедиться, что существо по имени Ахмад, проникшее в разум женщины через слова и атар, рассеялось бесследно. Опущенные веки пациентки начинают вздрагивать.

– Теперь она проспит день или два, – говорит Таваддуд Махмуду-акробату. – Окружи её знакомыми вещами. Когда она проснётся, всё будет хорошо.

Она отмахивается от горячей благодарности Махмуда. Ощущая одновременно усталость и торжество, Таваддуд оглядывается на Абу и кивает. Видишь? Это ещё одна причина, по которой я прихожу сюда. Она пытается отыскать на лице торговца гоголами малейшие признаки ужаса или отвращения, но видит лишь странный жадный блеск латунного глаза.

С наступлением ночи поток пациентов иссякает. Абу Нувас покупает у уличного торговца две шаурмы, и они с Таваддуд едят в палатке, сидя на надувном матрасе скрестив ноги. Снаружи шумит квартал Бану Сасан, непрерывно гремят поезда душ, вспыхивает и грохочет База, испускают холод пожираемые диким кодом здания Соборности.

– Знаете, я не так уж часто прихожу сюда, – произносит Абу. – А, наверное, стоило бы. Чтобы напоминать самому себе, как много здесь надо сделать. И как силён здесь дикий код.

– Если бы не дикий код, мы давно стали бы рабами Соборности.

Абу не отвечает.

Стараясь согреть руки, Таваддуд обхватывает пальцами горячий свёрток.

– Итак, что вы теперь думаете о рассказах, относящихся к девушке из семейства Гомелец? – спрашивает она.

Больше нет смысла притворяться.

- То, что похититель тел говорил о вас, правда? - интересуется Абу.

Таваддуд вздыхает.

- Да, истории верны. От моего первого мужа я убежала в Город Мёртвых. Там один из джиннов позаботился обо мне. И мы стали близки.

- Джинн. Аксолотль?

- Некоторые так его называют. Но его настоящее имя Зайбак.

- Он действительно существует?

Таваддуд поначалу тоже сомневалась в этом: ожившая легенда - Отец похитителей тел, пришедший в Сирр сто лет назад и воплотившийся в половине города.

- Да. Однако не всё, что о нём говорят, соответствует истине. Он не собирался делать того, что сделал. - Она откладывает в сторону остатки еды. - Но если вам нужно объяснение для моего отца, шлюха Аксолотля ничуть не хуже других. - Таваддуд прикрывает глаза и сильно тянет себя за волосы. - В любом случае, спасибо за приятный вечер и за то, что показали мне город. Другой город. Это было чудесно.

Абу отворачивается и смотрит в сторону. Теперь, когда латунного глаза не видно, он внезапно кажется ей невероятно юным: при всём своём богатстве он, вероятно, моложе её.

- Не беспокойтесь, - произносит Таваддуд. - Я к этому привыкла.

- Дело не в этом, - отвечает Абу. - Есть причина, по которой я не прихожу сюда. - Он прикасается рукой к латунному глазу. - Вы просили рассказать мою историю. Всё ещё хотите послушать? - Он говорит бесстрастным тоном, прикрыв человеческий глаз.

Таваддуд кивает.

– Мои родители погибли в Крике Ярости. Некоторое время я оставался с женщиной Бану, которая позволяла мне спать в её палатке. Но как только она поняла, что я способен слышать Ауна, она продала меня сплетателю. Мне тогда было шесть лет. И сплетение происходило не так, как сейчас, с ведома Совета, оно было насильственным.

Меня поместили в резервуар с тёплой водой, куда не проникал ни один шорох. Зато в моей голове звучал голос, голос существа, когда-то бывшего человеком, голос джинна, вопившего от боли. Его звали Пачеко. Он проглотил меня. Или я проглотил его. Я не знаю, сколько времени занял этот процесс, но когда меня – нас – выпустили, я был тощим, словно палка. Я был слаб. Глаза болели. Но я видел атар, мог контактировать с атаром. Поначалу я просто бродил словно потерянный среди призрачных зданий Тени.

И ещё я мог слышать пустыню, слышать зов аль-Джанна и Небес и древних машин с другой стороны мира. Сплетатель был очень доволен. Он продал меня муталибунам. Вместе с ними я отправился в пустыню на поиски гоголов. – Абу улыбается. – К счастью, у меня это получалось. Не поймите меня неправильно, всё было не так уж плохо. И самым удивительным из всего, что я видел, были рух-корабли – белые, изогнутые, словно древесная стружка, и такие же лёгкие. Рух-птицы легко несли их, и охотничьи джинны парили рядом с ними по небу, подобно ярким облакам. И ещё пустыня. Я не понимаю, почему её до сих пор называют пустыней, ведь там есть дороги и города, разные чудеса и стада машин фон Неймана, мрачные моря мёртвых, пески, которые прислушиваются к тебе и воплощают твои мечты...

Абу качает головой.

– Простите, я увлекся. Всё это не имеет значения. Я неполноценный мухтасиб, существо только наполовину человеческого рода. Поэтому я не способен любить как мужчина. Я хотел найти кого-то, кто мог бы понять и человека, и джинна. Я думал... – Он сильно сжимает виски ладонями.

– Дело не в этом, не только в этом, вы же понимаете... Я верю в то, что пытается сделать ваш отец. Мы не можем продолжать надеяться, что Соборность когда-нибудь оставит нас в покое и что сян-ку разумнее других. Поэтому я собираюсь

оказывать ему помощь вне зависимости от ваших чувств и желаний.

Таваддуд невольно сглатывает. Всё должно было быть иначе. В её груди сплетаются кольца змеи вины и сожаления.

- Мне, наверное, пора уходить, - говорит Абу.

- Ш-ш-ш, - шепчет Таваддуд и целует его.

Холодный и твёрдый латунный глаз прижимается к её веку. У Абу сухие губы, а движения языка выдают неопытность. Таваддуд гладит его по щеке, щекочет шею. Он сидит неподвижно, словно статуя. Тогда она отстраняется, открывает сумку, достает бими и осторожно вплетает в волосы.

- Что ты делаешь? - спрашивает он.

- Всё не так, как обычно бывает, - со смехом отвечает она. - Если бы Кафур узнал об этом, он убил бы меня.

Таваддуд берётся за застёжку и распахивает одежду до самого живота, а потом кладёт руки Абу себе на грудь. Она шепчет Тайное Имя аль-Латифа[15 - А л ь-Л а т и ф - одно из девяноста девяти имен Аллаха.] Милостивого, видит его мысленный образ, сосредотачивается на спиральных витках, как её учили, и тотчас ощущает покалывание соединения в сети бими.

- Ты хотел добиться расположения женщины, возлежавшей и с мужчинами, и с джиннами, - шепчет она. - Ты мог убедиться, что сделка с Дворцом Сказаний Кафура обходится дешевле, чем с Кассаром Гомелецем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Разум (фин.).

2

Бабочка (фин.).

3

Й о с е г и – традиционное японское искусство создания мозаики из разных сортов древесины.

4

Клан (яп.).

5

Заядлый игрок (фр.).

6

Место забвения (фр.).

7

Дом (фин.).

8

А н а н с и – мифологический персонаж ряда народов Западной Африки, предстает в облике паука.

9

Сердце (фин.).

10

Медведь (фин.).

11

Г у л ь – персонаж арабской мифологии, оборотень, обитающий в пустыне и питающийся свежей мертвечиной.

12

Б а н у С а с а н – так в средневековом исламе называли нищих, жуликов и воров, якобы ведущих свой род от легендарного шейха Сасана.

13

А л ь – Д ж а н н а – в исламе рай.

14

Пар (фин.).

15

А л ь-Л а т и ф – одно из девяноста девяти имен Аллаха.

Купить: https://telnovel.com/rayaniemi_hannu/fraktal-nyy-princ

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)